

Борис Акунин

Чёрный город

*От автора (во
избежание
недоразумений):*

*Я с совершенно
одинаковой симпатией
отношусь и к
азербайджанцам, и к
армянам, глубоко
уважаю обе эти нации и
продолжаю надеяться,
что они помирятся.*

Охота на Одиссея

— ...Одиссей пошел от залива по лесной тропинке к тому месту, которое ему указала Афина. Но не дошел туда. *Исчез!*

Последнее слово ночной визитер прошептал с таким ужасом, что задрожали кончики нафабранных усов. На погоне с императорским вензелем вспыхнул блик от лампы.

Абсурд, подумал Эраст Петрович. Химера. Сидишь в гостиничном номере, читаешь

«Вишневым садом», в очередной раз пытаешься понять, почему автор назвал эту невыносимо грустную пьесу комедией. Вдруг врывается сумасшедший в генеральском мундире и начинает нести околесицу. Про Одиссея, про Афины, про какой-то «манлихер» с оптическим прицелом. Через слово повторяет: «Вы один можете спасти честь старого солдата». В выпученных глазах слезы. Будто ожил персонаж из ранней чеховской пьесы — той поры, когда Антон Павлович был молод, здоров и сочинял водевили.

— Зачем вы мне всё это рассказываете? За кого вы, собственно, меня принимаете? — спросил Фандорин, от раздражения заикаясь сильнее обычного.

— То есть как? Разве вы не Эраст Петрович Фандорин? Я ошибся номером? — в ужасной панике вскричал незванный посетитель.

Он вообще-то представился, этот чудаков. Да Фандорин и так бы его узнал. Личность известная. Столичные карикатуристы очень похоже изображают торчащие усы, монументальный нос, седую бороденку. Генерал Ломбадзе, собственной персоной. Градоначальник Ялты, где августейшее семейство проводит по три-четыре месяца в году. Поэтому небольшой крымский городок имеет особый статус, а его управитель наделен чрезвычайными правами и полномочиями.

Самодурство и всеподданнейшее рвение ялтинского начальника давно стали притчей во языцех. Левые газеты прозвали генерала «придворным мопсом» и шутят, что по утрам он в зубах приносит его величеству тапочки.

— Да, я Фандорин. Так что же?

— Ага! Мне докладывают обо всех приезжих! — торжествующе воздел палец Ломбадзе. — Вы знаменитый сыщик. Прибыли из Москвы. Не знаю, какое расследование привело вас в мой город, но вы должны немедленно бросить все дела!

— И не подумаю. Я член к-комиссии по наследию Чехова и приехал в Ялту по приглашению сестры покойного. Через месяц исполняется десять лет со дня кончины Антона Павловича, я участвую в подготовительных мероприятиях.

Это была истинная правда — в почтенную комиссию Эраста Петровича пригласили после одного небольшого расследования, в ходе которого он помог найти пропавшую рукопись писателя.

Однако генерал сердито фыркнул.

— Так я вам и поверил! Послушайте, меня не интересует, на кого вы сейчас работаете! Здесь дело колоссальной важности! Жизнь государя в опасности! До рассвета всего два часа. Говорят же вам: Одиссей не явился к условленному месту.

Теперь он бродит где-то вокруг Ливадийского дворца, и в руках у него «манлихер» с оптическим прицелом! Это катастрофа!

В голову Фандорину одновременно пришли две совершенно несвязанные мысли (была у его мозга такая странная особенность). Во-первых, он вдруг понял, почему «Вишневый сад» комедия. Это пьеса, написанная чахоточным больным, который предчувствует, что его грустная жизнь закончится фарсом. Скоро он умрет на чужбине, и его привезут назад в вагоне-холодильнике с надписью «устрицы». Типично чеховский прием комедийного снижения трагической ситуации.

А во-вторых, в заполошном бреде градоначальника забрезжил смысл.

— Одиссей — это террорист? — остановил Фандорин бестолковое многословие его превосходительства.

— Очень опасный! Четырнадцать лет в розыске! Невероятной изворотливости! Отсюда и кличка!

— Афина — это ваш агент-provокатор?

— Что за терминология! Достоянейшая дама, которая сотрудничает с нами из патриотизма. Она член большевистской партии. Когда Одиссей явился к ней, назвал пароль и объяснил, что хочет умертвить венценосца... — Генерал захлебнулся от переполнявших его чувств. — ...Афина,

разумеется, сообщила в Охранное.

— Почему вы немедленно его не арестовали? Правильно ли я понял, что вы сами снабдили его с-снайперской винтовкой?

Ломбадзе вытер платком багровый лоб.

— Одиссей поручил Афине добыть для него оружие и обеспечить проход в Особую зону, — проямлил он. — Я подумал, что будет эффективней, если мы возьмем злодея на месте предполагаемого цареубийства с оружием в руках. Тогда он не отделается каторгой, а пойдет на виселицу...

«Ну а ты получишь награду за спасение государя», мысленно завершил Фандорин несложную логическую цепочку.

— Надеюсь, винтовка неисправна?

Градоначальник запыхтел.

— Одиссей чрезвычайно въедливый тип. Никому не доверяет. Если бы он обнаружил, что сточен боек или, допустим...

— Ясно. Прицел, очевидно, тоже в идеальном состоянии? П-превосходно. И ваша дура Афина провела Одиссея напрямиком на территорию царского имения?

— Нет-нет! Территория, расположенная непосредственно вокруг резиденции, находится в ведении чинов дворцовой полиции. Афина провела злоумышленника только через внешнее оцепление Особой зоны — мои люди охраняют периметр

Царской тропы.

Эраст Петрович знал, что так называется терренкур, проложенный по приморским горам от Ливадийского дворца до Гаспры. По этой живописной аллее, если верить «Придворной хронике», царь совершает ежедневные променады в одиночестве либо в интимном кругу. Посторонним на Тропу хода нет.

— Но терренкур, если я не ошибаюсь, длиной в шесть верст. Сверху сплошные утесы. Там можно устроить з-засаду в ста разных местах!

— В том-то и беда. Афина указала Одиссею тропинку и велела идти по ней. Наверху уединенная площадка, где мерзавцу было бы очень удобно расположиться — местность просматривается как на ладони. Если б мы взяли там террориста с винтовкой, никакой адвокат, хоть сам Керенский, не спас бы его от эшафота. Конечно, я не собирался рисковать жизнью его величества. Мерзавца схватили бы еще затемно. Утром его величество проснулся бы, а дело уже сделано...

«Тапочки доставлены», подумал Фандорин.

— Благодаря вам Одиссей получил оружие и теперь бродит непонятно где среди гор и кустарников на территории в несколько тысяч десятин. Ну и пусть себе б-бродит, — пожал плечами Фандорин. — Доложите государю.

Обойдется денек без Царской тропы. Пока дворцовая полиция и ваши люди не прочешут всю зону.

Его превосходительство вскочил со стула.

— А если убийца сумел прокрасться в дворцовый парк? Или засел где-нибудь снаружи — на холме, на дереве? Он ведь может выстрелить и через окно! У него оптический прицел! Вы не знаете, что это за человек. В Баку он застрелил четырех агентов, пытавшихся его задержать. Это дьявол! — Генерал понурился. — Кроме того, если государь узнает подробности... — Он всхлипнул. — Тридцать лет беспорочной службы... Позор, отставка...

Последнее соображение Фандорина не тронуло, но от первого отмахнуться было невозможно.

— Досье Одиссея при вас?

Ломбадзе поспешно вынул из портфеля пухлую папку.

— Ради Всевышнего, скорее! Государь просыпается в семь. Первое, что делает, распахивает окна...

Настоящее имя у Одиссея было непримечательное: Иван Иванович Иванцов. Буква «ц», всунувшаяся в абсолютно бесцветное прозвание ближе к концу, придавала фамилии легкую насмешинку, издевательское прищипывание.

Впрочем, как этого субъекта звали на заре жизни, не имело значения. Дальше следовал длинный перечень фальшивых имен и подпольных кличек. Имена Фандорин пропустил, клички прочел очень внимательно. По тому, какие прозвища человек себе выбирает, можно кое-что понять о его характере. Судя по этому параметру, преступник был любителем пернатых — клички были сплошь птичьи («Одиссеем» его окрестила Охранка).

На нелегальное положение революционер перешел очень давно. Ни разу не арестовывался, а стало быть, антропометрии не подвергался и отпечатки пальцев не снимались. Эраст Петрович задержал взгляд на единственной фотографии, снятой в первый год нового столетия. С карточки смотрел студент с веселыми глазами и крепко сжатым ртом. Лицо это Фандорину сильно не понравилось: умное, волевое, притом с чертовщинкой. Из таких юношей при определенном стечении жизненных обстоятельств получаются чрезвычайно опасные индивидуумы. Эраст Петрович знал это по собственному примеру.

Своей революционной карьерой Одиссей полностью оправдывал физиогномический прогноз. Убийство двух губернаторов, поставки оружия для московского восстания 1905 года, дерзкие экспроприации. Личный представитель большевистского вождя «Ленина» (даже

Фандорину, далекому от политического сыска, эта кличка была известна), сообщник кавказского боевика «Кобы» (про такого Эрасту Петровичу слышать не доводилось). В последнее время местопребывание неизвестно. Предполагалось, что объект уехал за границу. Ну, если и уезжал, то, выходит, вернулся.

— Ладно. — Эраст Петрович вернул папку. —

Едем в к-курытник.

— Куда?

— В курытник, куда вы запустили лису.

Его превосходительство задохнулся от возмущения.

— Не смейте так говорить о резиденции Помазанника, венчанного России на царство самим Богом!

— Лучше бы Господь обвенчал Россию с каким-нибудь другим ж-женихом, подаровитей, — отрезал Фандорин, быстро одеваясь. — Не кипятитесь, генерал. Пока мы будем препираться, Россия может овдоветь.

Аргумент подействовал. Градоначальник сам подал Фандорину пиджак. К экипажу они спустились бегом.

— А нельзя обнаружить злоумышленника, не заезжая во дворец? — вкрадчиво спросил генерал, пригнувшись к самому уху москвича — колеса слишком грохотали по булыжнику. — Я столько

слышал о ваших аналитических способностях.

— Здесь нужен не аналитик, а с-следопыт. В любом случае придется будить начальника дворцовой полиции.

Ломбадзе горестно вздохнул.

Ехали берегом. Море перед рассветом почти совершенно слилось с черным небом, но по самой границе двух стихий уже пролегла светящаяся кайма.

Со Спиридоновым, начальником царской охраны, Эрасту Петровичу приходилось сталкиваться и прежде. У обеих сторон встреча оставила малоприятные воспоминания, поэтому обошлись без рукопожатий.

Надо отдать полковнику должное. Поднятый с постели, он не задал ни одного ненужного вопроса, хоть и насупил брови при виде Фандорина. Суть дела ухватил моментально. Ломбадзе еще воздевал руки, заклинал, дрожал усами, а полковник уже не слушал. Он напряженно размышлял.

Этот тридцатисемилетний офицер, сделавший молниеносную карьеру сначала в Жандармском корпусе, а затем в Охранном отделении, был одним из самых ненавидимых людей в России. Счет революционеров, повешенных его стараниями, шел на десятки; отправленных в каторжные работы — на сотни. Четыре раза его пытались убить, но

полковник был осторожен и увертлив. Именно за эти качества его не так давно назначили начальником Дворцовой полиции — кто лучше Спиридонова обережет священную особу императора? Злые языки поговаривали, что полковник отлично устроился: двести превосходно обученных телохранителей защищали от террористов не только царя, но и самого Спиридонова.

Первая же реплика полковника подтвердила его репутацию человека дальновидного.

— Хорошо, генерал, — прервал он причитания градоначальника. — Я не буду докладывать императору. Если мы решим нашу маленькую проблему до пробуждения его величества.

Фандорин поразился лишь в первое мгновение. Потом понял: неслыханное великодушие объясняется очень просто. У Спиридонова появилась возможность сделать ялтинского наместника своим вечным должником.

Далее скупой на слова полковник обернулся к сыщику.

— Раз вы здесь, — сказал он, не называя Фандорина по имени, — значит, у вас уже есть план. Выкладывайте.

Эраст Петрович так же холодно спросил:

— Где находится царская купальня? Всем

известно, что перед завтраком государь плавает в море, в любую погоду.

— В конце вон той аллеи. Как видите, дорожка надежно укрыта деревьями и абсолютно безопасна.

— А к-купальня? Тоже укрыта?

Полковник нахмурился и покачал головой.

— Тогда три вещи, — пожал плечами Фандорин. — Прочесать территорию вокруг дворца. Это раз. Выставить караулы за оградой на всех точках, откуда можно вести п-прицельный огонь по окнам. Это два. Однако я уверен, что террорист засел где-нибудь на возвышенности, откуда просматривается купальня. Есть поблизости такое место?

— Почему вы так в этом уверены? — вмешался Ломбадзе. — Негодяй может устроить засаду на всем протяжении Царской тропы!

— Помолчите, — оборвал его Спиридонов. — Одиссей понимает, что государя предупредят об опасности. Прогулки по Царской тропе сегодня не будет. Но резона отказываться от купания у императора нет — ведь это территория парка, а сюда и мышь не проскочит... Есть такое место, — продолжил он, уже обращаясь к Фандорину. — Лимонная роща на холме. До купальни метров пятьсот. Хороший стрелок, пожалуй, из снайперской винтовки не промахнется. Вы правы.

Там мы его и сцапаем.

Они вышли за ворота: полковник с четырьмя агентами и Фандорин. Песчаная дорожка в сиянии зари казалась малиновой.

— Я понимаю, почему вы не взяли с собой генерала. Он пыхтит, как паровой к-каток. Но почему только четыре охранника? — с любопытством спросил Эраст Петрович.

— Это лучшие из моих волкодавов. Чем меньше людей, тем больше шансов взять Одиссея живьем... Вон она, лимонная роща. Марш вперед, ребята, вас учить не надо. А вы, сударь, птица вольная. Желаете размяться — милости прошу.

Агенты разделились: двое нырнули в кусты слева от дорожки, двое справа. Сам полковник предпочел остаться на месте. Лезть через кусты, рискуя нарваться на пулю, в его намерения не входило. Фандорин подумал-подумал и двинулся вперед. Не для того, чтоб «размяться». Интересно было посмотреть, каковы в деле спиридоновские «волкодавы».

Он успел сделать всего несколько шагов, когда сверху ударил выстрел. По горам прокатилось эхо, а полковник издал странный, хрюкающий звук, заставивший Эраста Петровича обернуться.

Спиридонов стоял, нелепо растопырив руки. Его глаза закатились кверху, будто пытаясь

разглядеть собственный лоб. Прямо посередине там чернела аккуратная дырка. Покачавшись, убитый рухнул на спину. Из кустов выскочили «волкодавы», кинулись к своему начальнику. Отовсюду — слева, справа, снизу, сверху — доносились крики и топот. Это бежали на выстрел со своих постов ялтинские жандармы и агенты дворцовой полиции.

Фандорин ринулся туда, откуда секунду назад прогремел выстрел. Сыщик неся по склону зигзагом, огибая лимонные деревья. Это упражнение, называемое «инадзума-басири», входило в его программу ежедневных экзерциций, поэтому на вершине он оказался уже через две минуты.

Но все равно опоздал. На земле лежала винтовка с оптическим прицелом. Под ней белел листок.

Это был отпечатанный на гектографе приговор, который партия вынесла «кровавой собаке» Спиридонову. Внизу приписка карандашом:

«Приведен в исполнение 14 (1) июня 1914 г. Всем, кто помог, мерси. А ваш коронованный остолоп нам даром не нужен. Он наш главный союзник в борьбе с царизмом.

Из зарослей на Эраста Петровича вылетел очумевший жандарм с револьвером.

— Ты кто? — гаркнул он, готовый палить.

— Я б-болван, — глухо ответил Фандорин, наливаясь краской. Не от быстрого подъема — от бешенства.

Однажды, много лет назад, с ним уже случилось нечто подобное. Но тогда Эраст Петрович был не повинен в случившемся, зато сегодня — непростительная оплошность! — сам вывел добычу на охотника...

Нет, не разлюбила!

За десять дней ярость не прошла, а лишь опустилась до катастрофически низкой температуры. Обыкновенно люди в гневе быстро вспыхивают и так же быстро перегорают. Фандорин же в таком состоянии (для него очень редком) словно бы застывал, и, если ярость не обретала выхода, в душе Эраста Петровича наступал ледниковый период.

Из Ялты он возвращался, будто наполненный бурлящим азотом, который, как известно, закипает при температуре минус двести градусов. Должно быть, таким же морозным пламенем питается

неистовство чертей, обитающих в буддийском Лотосовом Аду, где царит вечный холод.

«От меня отвернулась удача, — горько думал Фандорин по пути с Курско-Нижегородского вокзала домой. — Много лет она была мне верна, я принимал ее дары как нечто само собой разумеющееся, а любовь Фортуны взяла и иссякла».

— Потому что болванов никто не любит! — пробормотал он вслух, так что извозчик оглянулся и спросил: «Чего изволите?»

— Б-быстрей езжай, — хмуро сказал пассажир, хотя торопиться ему было некуда и домой ехать совсем не хотелось.

Были времена, когда, возвращаясь к себе, в тихий флигель, спрятавшийся в глубине сонного Сверчкова переулка, Эраст Петрович предвкушал отрадную передышку от суеты, сладость временного отшельничества и уединенных, приятных занятий. Но благословенная эпоха канула в прошлое.

Выйдя из коляски, Фандорин остановился подождать, пока выгрузят чемоданы. С тяжелым сердцем глядел он на два правых окна, завешанные розовыми шторами. Чувство унижения, душевной усталости еще больше усилилось.

Эраст Петрович вздохнул. Он догадывался, с какого именно момента лишился расположения Фортуны. Кроме самого себя винить в этом было

некого.

Однако в следующий миг сухое лицо помягчело, а губы под идеально подстриженными черными усиками даже раздвинулись в улыбке.

На крыльцо выскочил Маса, слуга и единственный на свете друг. Его круглая физиономия сияла счастьем. За две недели на голове у японца отросли волосы — густой, жесткий бобрик. «Надо же, наполовину седой, — удивился Фандорин. — Тоже стареет. Сколько ему уже? Пятьдесят четыре».

Обычно Маса брился наголо — кинжалом из острейшей в мире стали «тамахаганэ». Но во время отлучек господина японец позволял волосам отрасти: во-первых, в знак печали, а во-вторых, «с्योंбы горова перестара дысять, а то сриськом много мысрей». Он считал, что, если господина рядом нет, то и мозг напрягать незачем. Пусть подремлет.

За тридцать шесть лет совместной жизни слуга научился понимать настроение Эраста Петровича с одного взгляда, без слов.

— Совсем прохот? — Поцокал языком, принимая саквояж и портплед. Однако не посторонился, загораживая Эрасту Петровичу вход во двор. — Не надо носичь в дом сторько зра. Пусчь останется тут.

Он был прав. Злобу лучше оставить снаружи,

а то поселится в доме — трудно будет выгнать.

Фандорин отвернулся, чтобы не обжечь ни в чем не повинного японца своим ледяным пламенем. Закрыв глаза, отрегулировал дыхание — начал изгонять из души бесплодный гнев.

После убийства Спиридонова он попытался найти преступника по свежим следам. Но первые, самые драгоценные часы ушли на унижительные и бесполезные объяснения с дворцовой полицией, Охранным отделением, жандармами, придворным ведомством и прочими инстанциями, заботящимися о безопасности и благополучии его величества. О застреленном полковнике почти не вспоминали. Все были скандализированы тем, что террорист оказался так близко от священной особы императора. Каждый чин трясся за свою должность, все кричали, сваливали друг на друга ответственность — как обычно и случается, если в непосредственной близости от трона происходит чрезвычайное происшествие. Ялтинский градоначальник благоразумно слег с приступом грудной жабы, приключившимся прямо в момент доклада государю, — и тем заслужил себе прощение. В конце концов, ко всеобщему облегчению, вину свалили на того, кто уже не мог оправдаться — то есть на покойника. Разве не он по своей должности был обязан заботиться о

безопасности резиденции? Во имя общественного спокойствия смерть Спиридонова была объявлена естественно-скоропостижной, а со всех посвященных истребовали подписку о неразглашении.

Лишь когда утихла административная истерика, Эраст Петрович получил возможность работать. Однако, хоть проторчал в чертовой Ялте больше недели, ни на какой след так и не вышел. Одиссей явился ниоткуда и исчез в никуда.

Он несомненно знал, что Афина — двойной агент, и отлично использовал это обстоятельство в своих целях. Уловка, которую он применил, чтобы исполнить приговор над Спиридоновым, в традиции японских «крадущихся» называется «убить комара на хвосте у тигра»: то есть сбить с толку противника, сделав вид, будто преследуешь большую цель, а на самом деле поразить малую. Товарищ Одиссей, большевистский ниндзя, исполнил классическую манипуляцию безукоризненно.

Несколько раз Фандорин продолжительно беседовал с Афиной, в которой не оказалось ничего божественного. Баба хитрая и даже изворотливая, но совсем не умная, что, впрочем, типично для двойных агентов.

Выяснилось, что телосложения Одиссей сухощавого, росту среднего, волосы коротко

стриженные, бородка и усы «умеренные», особых примет нет и вообще «глазу зацепиться не за что» — большое спасибо за такой словесный портрет. По юношеской фотографии Афина преступника не опознала — очень сильно изменился.

Ни на снайперской винтовке, ни дома у Афины преступник не оставил ни единого отпечатка пальцев — наверняка специально этим озаботился. Можно было подумать, что он, словно бесовское наваждение, привиделся одной только агентке, за ее грехи, а в реальности никакого Одиссея не существовало.

О том, что это не черт, а живой человек, свидетельствовали две маленькие оплошности, которые все-таки допустил этот сверхъестественно предусмотрительный субъект.

Во-первых, записка, оставленная на месте убийства. Даже не сама записка (графологический анализ ничем не обогатил картины), а подпись.

В 1905 году, согласно досье, бывший Иванцов называл себя Дроздом; на заре романтической революционной юности, в студенческом кружке, его звали Соколом. В донесении Тифлисского жандармского управления четыре года назад мелькнул некий Стриж, по описанию похожий на неуловимого Ивана Ивановича. При таком орнитологическом фетишизме специалисты из Охранки, раз уж они увлекаются античностью,

должны были бы окрестить объекта Фениксом — за живучесть и несгораемость. Однако в секретной документации революционер проходит как Одиссей. И из подписи следует, *что он это знал*. Вывод: у преступника есть источник информации внутри какого-то из розыскных ведомств.

Впрочем, очень возможно, что, подписываясь агентурным прозвищем, товарищ Одиссей не совершил никакой оплошности, а просто хотел лишний раз показать язык правоохранителям — продемонстрировать, что ни в грош их не ставит.

Кое-какая польза от этой подсказки тем не менее была. Зная, что у Одиссея в дворцовой полиции, Охранке или Жандармском есть свой информатор, Фандорин не стал никому рассказывать о второй зацепке.

Начальственная истерика так запугала дуру Афины, что на официальных допросах она только плакала и каялась, не сообщая ничего нового. Фандорин же разговаривал с ней по-другому — сочувственно, по-отечески, хотя иногда хотелось треснуть неприятную даму по башке за тупость и ненаблюдательность. Во время четвертой по счету беседы Афина вспомнила одну мелочь.

Одиссей кому-то телефонировал, затворив дверь кабинета. Афина прижалась ухом к створке и с полминуты подслушивала. (Звонок Фандорин потом отследил, но это ничего не дало. Абонент

разговаривал с будкой на ялтинской телефонно-телеграфной станции.) Однако память у Афины была натренированная, поскольку агентов учат запоминать подслушанное слово в слово. Эраст Петрович проверил: женщина без труда повторила даже длинную фразу, произнесенную на японском.

Разговор, верней обрывок разговора, был такой:

Одиссей: «Отправляйся и проверь, всё ли по плану. Ровно через неделю буду на месте, подробно доложишь...»

После короткой реплики: «Где? Ну, давай в черном городе, у хромого. Там безопасно».

Снова короткая пауза, и потом: «Да, трехчасовым. Всё, бывай».

Вот и вся зацепка.

Итак, через неделю после разговора Одиссей намеревался куда-то прибыть «трехчасовым» — вероятно, поездом. Про пароходы так не говорят, потому что их прибытие зависит от погодных условий.

Какой город у Одиссея и его неизвестного собеседника называется «черным»?

Чертову уйму времени Фандорин проторчал

над железнодорожным расписанием Российской империи, проверяя, в какие города поезда приходят в три часа ночи и в три пополудни. Таковых пунктов оказалось двадцать семь — за вычетом самых дальних вроде Дальнего Востока и Маньчжурии, куда из Ялты за неделю не доберешься. Ничего «черного» в названии этих городов не было, и даже ассоциаций не возникало.

Может быть, это название какого-нибудь заведения: «Черный Город»? На всякий случай Эраст Петрович отправил срочный запрос в акцизный департамент министерства финансов. Но нет, никаких трактиров, пивных и прочих заведений со столь inferнальным названием в регистрах не значилось. Вероятно, название было не официальное, а разговорное, для своих.

Вот и весь итог восьмидневного расследования. Две хилые ниточки, первая из которых, скорее всего, никакая не ниточка, а издевательство, вторая же оборвана и никуда не выводит.

Жизненная мудрость: «Благородный муж не выедает себе печенку из-за того, что невозможно исправить, а пожимает плечами и следует своим Путем дальше». Надо будет вечером записать в Никки. Хотя нет, это банальность, вариация на тему древней молитвы: «Боже, дай мне мудрости смириться с тем, чего я не могу изменить; дай мне

мужества изменить то, что я могу изменить; дай мне ума отличить одно от другого».

Ум сказал Эрасту Петровичу: «Тут ничего поделывать нельзя». Мудрость закричала — и согласилась.

— Всё, я в порядке, — сказал Фандорин слуге. — Безмятежен, как Будда. Подвинься, дай пройти.

Маса почтительно посторонился, освобождая проход, и сказал по-японски:

— Есть новость, которая улучшит вам настроение, господин. Справа пусто.

Эраст Петрович снова посмотрел на розовые занавески. Настроение действительно улучшилось.

— Госпожа задерживается, ничто не омрачит ваш покой, — продолжил японец. — Можете идти прямо в туалетную комнату. Ванна наполнена водой, я приготовил свежую юкату и наряд для рэнсю, если вы захотите взбодриться.

— Откуда ты узнал, что я приеду? — удивился Эраст Петрович, услышав про готовую ванну. — Я ведь не д-давал телеграммы?

— Я ждал вас каждый день. А теперь извините, мне нужно привести себя в порядок. — Маса виновато провел ладонью по жесткому ежику. — Только скажите мне: после ванны вы будете отдыхать или делать рэнсю?

— Рэнсю.

На крыльцо Фандорин взбежал легкой походкой, скинул шляпу, стянул летние перчатки. Покосившись на дверь, что вела в правую половину дома, прошел прямо в туалетную.

В ванне, как положено, плавали куски льда, вынутые из погреба. Быстро раздевшись, Эраст Петрович погрузился в обжигающую воду с головой и стал считать до ста двадцати. Он умел задерживать дыхание на две минуты, а если очень нужно, то и на две с половиной. Черт из Лотосового Ада, прочно обосновавшийся в душе, не выдержал холода и сбежал.

Купальщик вскочил на ноги, выплеснув целый гейзер разлетающихся брызг. Схватил проволочную мочалку и стал яростно ею растираться. Кровь понеслась по жилам.

На пятьдесят девятом году жизни Фандорин пребывал в лучшей физической форме, чем десять или двадцать лет назад. Человеческое тело, как и дух, при правильном развитии не стареет, а обретает новые возможности. Случись нынешнему Эрасту Петровичу сойтись в рукопашной схватке с собою тридцатилетним, у молодого Фандорина не было бы ни одного шанса.

Вытираясь полотенцем, хозяин дома разглядывал себя в зеркале не без удовольствия. Эрасту Петровичу всегда нравилась собственная

внешность. Да, волосы совершенно седые (немного лосьона «Бриллиант-блю» придают им элегантную белизну), зато усы интригующе черны (безо всяких ухищрений, естественным образом). Морщины на лице есть, но именно такие, какие должны быть, — не след пороков, а рисунок характера. Торс будто высечен из мрамора — в настоящий момент розового, поскольку кожа покраснелась от ледяной воды и металлического трения.

— Готов? — закричал Эраст Петрович, выходя из ванной уже одетый в черный облегающий наряд «крадущихся». Этот костюм, очень удобный для физических упражнений, шился из тончайшего и в то же время прочнейшего шелка, а скатывался в свиток немногим толще сигары.

— Хай! — послышалось в ответ.

Маса уже сидел в гостиной на столе, подобрал ноги. Свежевыбритый и надраенный специальной бархоткой череп сверкал, как солнце. Глаза японца были закрыты плотной повязкой, пальцы сжимали рукоять длинного кожаного бича.

— Я вас слышу, господин.

— Естественно. Дай мне минуту подготовиться...

Взойдя на перевал пятидесятилетия, Фандорин решил, что не будет спускаться по закатуному склону, как это делают люди, заранее

смирившиеся с возрастным увяданием, а будет карабкаться выше. Глядишь, окажется, что высшая точка жизни еще впереди. В канун каждого нового года он ставил перед собой две новые задачи на ближайшие двенадцать месяцев: одну для тела, другую для духа. Вот и получилось, что на шестом десятке Эраст Петрович достиг бо льших успехов в самосовершенствовании, чем за всё предыдущее существование. Иногда самому становилось удивительно, сколько новых возможностей — интеллектуальных и физических — обнаружил он в себе за эти восемь лет. Правы мудрецы, утверждающие, что большинство людей используют ресурсы, заложенные в них Богом или природой, лишь в очень малой степени — слегка зачерпывают верхний слой, почти никогда не касаясь глубинного, где и таятся главные сокровища. Чтобы добраться до этих залежей, нужно как следует поработать, но усилия эти щедро вознаграждаются.

«Физическую» программу 1914 года Фандорин решил посвятить шлифовке тонкого и сложного искусства «нимподзюцу», разработанного средневековыми ниндзя. «Искусство потайной ходьбы» — наука необычайно трудная. Настоящий мастер может перемещаться до такой степени бесшумно, что даже самый острый слух не уловит ни единого звука. Однажды учитель, облачившись в

черное и вымазав сажей лицо, продемонстрировал юному Эрасту Петровичу возможности «нимподзюцу»: пробежал ночью вдоль всей цепочки часовых, охранявших дворец микадо. Никто и головы не повернул, хотя сэнсэй совершил свою прогулку у них прямо перед носом.

Это «дзюцу», как всё у японцев, представляло собой целую философию — как достичь гармоничного слияния с тканью мира. В свое время юный Эраст Петрович был не готов постичь истинный смысл бесшумности, из всех потаенных наук эта давалась ему хуже всего. Учитель был терпелив и снисходителен. Говорил, что западные варвары по своей конституции и духовной температуре мало пригодны для «нимподзюцу». Они как дикая трава в поле: чуть подует ветерок — начинают шелестеть. Сердце у них громко стучит, дыхание не слушается. А нужно превратиться в камень. В двадцать пять лет Фандорин превращаться в камень еще не умел, вот теперь и наверстывал.

Маса относился к этим занятиям с горячим одобрением, поскольку, следуя примеру господина, проходил собственный курс самосовершенствования — оттачивал «бэндзюцу», «искусство бича». Термин он изобрел сам, японские ниндзя до такой науки не додумались. Однако в свое время, путешествуя по Дикому Западу, Маса

восхищался тем, как ловко орудуют бичами американские ковбои. Никакой практической пользы в этом его нынешнем увлечении не было, просто японцу нравилось щелкать четырехметровой кожаной косицей и сшибать ею всякие мелкие предметы. Он уже мог снять нагар со свечи, не погасив пламени; шлепнуть на обоях муху, не оставив пятна; сдуть у господина пылинку с плеча. Это дурацкое хобби Фандорин терпел только потому, что оно помогало делать рэнсю.

Доведя сердцебиение до одного удара в две секунды и «утопив» дыхание, так что диафрагма почти перестала двигаться (это называлось «дышать кожей»), Эраст Петрович прошелестел:

— Можно.

В тот же миг Маса нанес молниеносный удар по тому месту, где стоял господин, — только господина там уже не было. Совершенно беззвучно он отскочил на сажень в сторону.

Хвост кусачей змеи разочарованно пополз по паркету назад, к столу. Маса наострил уши, пытаясь определить, в какую сторону переместился Фандорин.

— Как же я соскучился сидеть здесь один, — с обманчивой ленцой, да еще позевывая, болтал слуга. — С вашей стороны было жестоко уезжать без меня. Лишь одно обстоятельство немного скрасило мою печаль.

— Какое же? — поинтересовался Эраст Петрович, падая на пол.

Бич хлопнул по стене у него над головой. Фандорин без шороха, без шелеста откатился в угол и вскочил.

— В меня влюбилась очень-очень красивая женщина Курася из швейной мастерской на улице Покуровка.

Маса был повернут в ту сторону, где Эраста Петровича уже не было, но это ничего не значило. Японец отлично умел лупить своей длинной плеткой и через плечо. Поскольку женскую красоту Маса масштабировал по весу и объему — чем больше, тем краше, — если «Курася» (очевидно, «Клаша») считалась у него «очень-очень красивой», это означало, что в ней никак не меньше пяти пудов веса.

Поняв, что не заинтриговал господина своим сообщением и что ответа не будет, Маса сменил тему.

— А помните, как в прошлом году в меня была влюблена красивая Фуроря?

Эраст Петрович молча пожал плечами.

— Наверное, не помните, дело давнее. Так вот, Фуроря родила мальчика и хотела отдать его в Воспитательный дом, но передумала, потому что я обещал положить на имя младенца (забыл спросить, как она его назвала) тысячу рублей. Вы ведь дадите

мне тысячу рублей, господин?

— Тысячу?

Хлоп по плинтусу. Мимо!

Фандорин, мелко переступая, заскользил вдоль стены.

— Дам, конечно. Только п-прошу тебя... —
Прыжок, удар по пустоте. — ...Будь аккуратней,
иначе ты меня разоришь.

На этот раз бич описал хитрую длинную дугу, охватившую половину гостиной, но Эраст Петрович уже находился на противоположном конце комнаты.

Маса задумался — что-то вспомнил.

— Скажите, господин, а у вас может быть сын? Лет десяти или двенадцати?

— Почему ты... — скачок — ...спросил?

— Несколько дней назад приходил странный мальчик. Похожий на вас. Спрашивал, где вы. Такой потерянный. Будто искал отца.

Фандорин усмехнулся. Слуге давно уже не удавалось зацепить его бичом по-честному, поэтому в ход шли всякие хитрости, призванные ослабить концентрацию. Маса мечтал о том, чтобы у господина появился сын или хотя бы дочь, и сильно осуждал Эраста Петровича за бездетность.

— А еще пришло письмо от вашей супруги.

В левой руке сидящего появился конверт.

Эраст Петрович слегка поморщился.

— Письмо ты, разумеется, прочел?

Конверт был запечатанный, но Фандорин хорошо знал повадки своего помощника. Маса, конечно же, прочитал, а конверт заклеил ради соблюдения приличий, которые, с его точки зрения, являются фундаментом бытия.

Бич чуть покачивался. Эраст Петрович тоже — на цыпочках.

Вздыхнув, Маса разжал кулак, придерживая рукоять двумя пальцами. Понял, что сегодня ему не повезет. На риторический вопрос он не ответил.

— Что-нибудь важное? — спросил Фандорин.

— Мне так не показалось. — Дипломатичное пожатие плечами. — Если бы случилось что-нибудь важное, Симон-сан прислал бы телеграмму. Вы не хотите читать письмо, господин? Я могу пересказать его своими словами. А могу и не пересказывать. Письмо написано ради последней строчки — вам будет довольно прочесть только ее.

Он протянул конверт, Эраст Петрович, полагая, что рэнсю уже закончено, шагнул вперед.

Точный удар обжег ему спину и плечо.

— Ты что?! Мы ведь закончили!

— Мы заканчиваем, когда вы скажете «фусё», а вы этого не сказали, — засмеялся японец.

Он снова занес бич, и Фандорин быстро сказал:

— Всё, всё!

— О, как приятно побеждать! Бацу!

Это означало «штраф»: сорок четыре приседания, держа победителя на плечах.

Уговор есть уговор. Эраст Петрович сел на корточки, Маса зашел сзади, дотянулся до стены, лязгнул там чем-то и с торжествующим рыком запрыгнул на господина.

Поднимать плотно сбитого японца было тяжело. Штраф давался Фандорину с трудом. Он даже расстроился и пообещал себе как следует поработать с грузами. Ялтинское безделье не прошло даром.

— Уф, как же ты отъелся! — наконец не выдержал Эраст Петрович.

— Неправда, — с достоинством отвечал Маса. — Я мало ел. Не было аппетита. Очень переживал из-за нашей разлуки.

— Но ты стал тяжелее!

— Это потому что я держу вот это.

И слуга высунул из широкого рукава юкаты десятикилограммовый диск от штанги.

— Скотина, з-зачем ты это сделал? Я чуть не надорвался!

— Чтобы вы почувствовали, господин, как тяжело было мне из-за вашего недоверия. Почему вы не вызвали меня, когда у вас случилась неприятность? Я знаю: в *Ярте* что-то произошло. Иначе вы не задержались бы так надолго.

Утирая пот, Фандорин хмуро сказал:

— Ладно, давай письмо.

Верного помощника он не вызвал в Крым, потому что стыдно было выглядеть жалким болваном, которого обвели вокруг пальца.

Жена Эраста Петровича, знаменитая артистка, находилась в закавказском городе Баку, на съемках очередной картины. В конверте оказалось не письмо — открытка. На цветной, аляповато раскрашенной фотографии, которую Фандорин толком не разглядел, было запечатлено нечто огнедышащее. Кажется, извержение вулкана. О, эта вечная любовь к эффектности и драматичности!

Обычно такие карточки посылают без конверта — на то они и открытки, но супруга Эраста Петровича позволить себе такого не могла. С ее подписью открытку украли бы на почте, что уже случилось. Ясно было и почему она написала не на обычном листке: на карточке мало места, можно обойтись очень коротким посланием.

Скользящим, будто стремящимся поскорее убежать, но в то же время чрезвычайно изящным почерком на обороте черно-красной картинки было выведено:

«Ах, милый, милый, если б Вы только знали, как безумно я без Вас скучаю! Здесь невыносимая тоска —

всё банкеты, приемы, пикники и прочая смертельно надоевшая рутина. Со съемками не ладится, их окончание всё откладывается и откладывается. Я предчувствую, что это будет либо моя самая лучшая, либо самая худшая роль. Ужасней всего, что здесь наступили inferнальные жары. Я телеграфировала в ателье Рубе, чтобы мне срочно сшили по имеющейся у них мерке тропический гардероб. Прошу Вас оплатить счет и как можно скорее выслать мне заказ.

*Изнемогающая без Вас,
Клара».*

Маса был прав: суть содержалась в самой последней строчке: оплатить и выслать. Что ж, съемки затягиваются — это прекрасно. А когда закончатся, можно будет куда-нибудь уехать с Масой.

Улыбнувшись, Фандорин рассеянно поглядел на картинку.

Нет, не вулкан. Пожар.

Поле, все утыканное нефтяными вышками, столб черного дыма, зарево вполнеба. Ну понятно: Баку.

Внизу мелко подпись:

«Большой пожар на нефтяных промыслах т-ва «Бранобель» в Черном Городе близ Баку».

Маса недоверчиво спросил:

— Неужели вы все-таки ее любите, господин? Только что были мрачнее тайфуна, и вдруг лицо осветилось солнцем.

Со счастливой улыбкой Эраст Петрович сказал:

— Она меня не разлюбила!

Японец разинул рот.

— Наверное, я недостаточно хорошо понимаю по-русски. Позвольте мне прочитать письмо еще раз.

— Фортуна на меня больше не дуется, мы п-помирились, — сказал ему Фандорин и с необычной для него сентиментальностью поцеловал фотокарточку — будто богиню удачи в капризные губы.

Дерево, клинок, иней

Поезд шел от Тифлиса до Баку одиннадцать часов, отправляясь в путь за полночь и прибывая к месту назначения в пятнадцать ноль ноль. Именно этим маршрутом — никаких сомнений —

проследовал несколько дней назад хитроумный Одиссей, радуясь тому, как ловко он одурачил идиота градоначальника, тупую дворцовую полицию и некоего джентльмена-сыщика, тоже изрядного болвана. Террорист ехал на какую-то важную встречу, которая должна была состояться у некоего «хромого» в Черном Городе — так назывался район богатейших нефтяных промыслов, вплотную примыкавший к Баку.

До прибытия оставалось немногим более получаса. На окне трепетали легкие белые шторы. День был знойный, и хоть по купе гулял сквозняк, облегчения он не приносил — по лицу будто водили горячим полотенцем.

Ландшафт удручал тоскливостью. Ни травинки, ни деревца, ни пятнышка зелени. Буро-желтая, совершенно голая местность, на которой кое-где дыбились плешивые холмы да белели солончаки. Жить в этой пустыне было невозможно, смотреть на нее — скучно, и Фандорин уже хотел отвернуться, но тут на горизонте показался лес. Он был не слишком густой, однако состоял из высоких деревьев — судя по пирамидальной форме, хвойных, а над их верхушками висела огромная туча, низкая и черная. Появилась надежда, что вскоре грянет гроза и слипшийся от жары воздух посвежеет.

— Вон Черный Город, батенька, —

послышалось через открытую дверь. В коридоре стояли, покуривая, два горных инженера из соседнего купе. — Надобно опустить стекло, сажи налетит.

Эраст Петрович пригляделся: не деревья это были, а вышки. Деревянные и металлические, высокие и не очень, они заполняли всю равнину. Пожалуй, это зрелище напоминало не лес, а кладбище, тесно уставленное черными обелисками. Почти так же плотно торчали фабричные трубы. Всё это дымило, чадило, выкидывало вверх клубы копоти. То, что показалось путешественнику грозовой тучей, на самом деле было очень плотным смогом.

Заскрежетали тормоза, поезд замедлил ход. Свернул на дублирующие пути.

— Встречных пропускаем, — сказал тот же голос. Очевидно, один из инженеров был бакинцем или, во всяком случае, хорошо знал местные обыкновения. — В это время как раз проходят ротшильдовские, нобелевские и манташевские составы. Пожалуй, на полчаса припозднимся.

И действительно, через минуту мимо загрохотал длинный-предлинный поезд, состоявший из черных цистерн.

— Неужто товарняк важнее пассажирского? — удивился собеседник. —
Никогда такого не видывал.

— Здесь, батенька, всё подчинено интересам нефти. Особенно сейчас. Начинается стачка. Пока не забастовала железная дорога, из Баку в Батум торопятся перегнать как можно больше нефти, мазута и бензина. Вы же читали в газетах — экспорт нефтепродуктов временно запрещен. Не до жиру. Всё жидкое горючее должно идти на внутреннее потребление. Нефть дорожает день ото дня.

— Если военный флот по примеру английского перейдет с угольного топлива на нефтяное, цены подскочат еще выше. Скажу вам как специалист по дизельным двигателям...

На этом месте разговора Фандорин затворил дверь, потому что цены на нефть, как и дизельные двигатели, его совершенно не интересовали.

— Прибудем на полчаса позже, — с неудовольствием сообщил он Масае.

Тот сидел, блаженно обмахивался бумажным веером. Духота японца не утомляла. Ему вообще всё очень нравилось: и дорога, и то, что он вместе с господином, а больше всего цель путешествия.

Во времена, когда Эрасту Петровичу приходилось зарабатывать на жизнь платными расследованиями, Масае тяжело страдал. Говорил, что господин роняет свое достоинство, как оставшийся без службы самурай, который вынужден продавать свой меч за деньги. Однако в

Баку, по мнению японца, Фандорин ехал по делу почтенному и благородному — мстить врагу за нанесенное оскорбление.

— Порчяса это нисево, — безмятежно сказал слуга. — Скоро господзин успокоится, потомусьто мы найдзём Одиссэй-сан.

К врагам господина японец относился с уважением — потому революционер удостоился почтительного «сан».

Эраст Петрович сел, хотел было закурить сигару, но Маса поднял палец и строго сказал по-японски:

— «Никки-до»! Неизвестно, будет ли сегодня время.

Он был прав. Задержку нужно было использовать, чтобы отделаться от Никки.

Поймав себя на этой мысли, Эраст Петрович устыдился. Что значит «отделаться»? Нехорошо так относиться к «Никки-до». Но прошло уже почти полгода, а он все не мог привыкнуть к этой утомительной обязанности.

Если в программе физического самоусовершенствования 1914 года значилось «нимподзюцу», то в качестве духовной практики Фандорин решил освоить «Никки-до», «Путь Дневника».

Дневник ведут многие, как на Западе, так и на Востоке. Юные гимназистки записывают в

заветную тетрадку свои сердечные переживания, прыщелобые студенты предаются ницшеанским грезам, семейные матроны ведут хронику детских болезней и салонных сплетен, писатели причесывают свои мысли ради посмертной публикации в предпоследнем томе полного собрания сочинений (в последнем, как известно, бывают «Письма»). Но человек, который во всяком занятии стремится отыскать способ подняться на более высокую ступеньку бытия, хорошо понимает: настоящий смысл ежедневных письменных излияний в том, чтобы развивать ясность ума и духа. Когда к дневнику (по-японски «никки») относятся подобным образом, это не просто бумагомарание, а Путь, и очень непростой. Посложней, чем квантовая теория, которой Фандорин посвятил весь 1913 год.

Никки положено вести ежедневно. Уважительных причин, по которым разрешалось бы сделать перерыв, не существует. Ни болезнь, ни горе, ни опасность оправданием не являются. Если ты оказался в пустыне без бумаги и кисти — скреби палочкой по песку. Если потерпел кораблекрушение и плывешь по морю на доске — води пальцем по воде.

Необычайно важен стиль, менять который ни в коем случае нельзя.

Стили в «Никки-до» существуют разные.

Можно сосредоточиться на описаниях природы и погоды, чтобы постоянно соотносить внутреннее состояние души с дыханием Вселенной. Другой метод, наоборот, рекомендует отстраниться от внешнего и сконцентрироваться на тончайших нюансах своего внутреннего мира, причем каждый день, желательно в час заката, во что бы то ни стало находить свежий повод для возвышенных слез.

Всего стилей существует около сорока. Фандорин выбрал тот, который называется «Три гармонии». Именно такой лучше всего подходит человеку с кармой разновидности «Февральская ночь на морском просторе» — то есть чередование тьмы и лунных просветов при шквалистом ветре. Чтобы не стать игрушкой волн, муж столь непростой судьбы много обретет, используя формулу «Дерево — Клинок — Иней».

Первый элемент этой красивой триады отвечает за усилия ума и помогает интеллектуальной сфере размеренно крепнуть и подниматься — как тянется к небу растущее дерево. Поскольку ум укрепляется посредством новых знаний, ежедневную запись рекомендуется начинать с какого-нибудь полезного сведения, обретенного за минувший день. Иногда Эраст Петрович попросту брал энциклопедию или научный журнал и выписывал оттуда заинтересовавший его факт. (Полезная, между

прочим, привычка.)

«Клинок» — это символическое обозначение ясности и эффективности всякого планируемого действия. *Клинкообразность* поступка очень выигрывает, если вначале изложить свои соображения и выводы на бумаге. Очень мудрая практика — особенно во время трудного расследования, да и вообще, если нужно разобраться в какой-то сложной проблеме или душевной смуте. Эту часть дневниковедения Фандорин ценил выше всего.

Хуже обстояло с последним элементом — «Инеем», которым полагалось завершать упражнение. «Иней» — это состояние душевного покоя, просветления и освобождения от суетных тревог. Лучшее всего преодолению внутреннего сумбура помогает создание мудрого изречения. Чертовски трудно после утомительного дня исторгнуть из себя что-нибудь мудрое, да еще 365 раз в году! Но критерий строг. Мысль должна быть достаточно глубока, оригинальна и изящно изложена, чтобы ее было не стыдно написать на свитке и повесить в токонома.

Вот с этой морокой больше всего и приходилось мучиться. К примеру, напишешь вечером что-нибудь высокомысленное: *«Одно из самых недостойных чувств, какие могут охватить человека, — это ощущение неподъемности*

принятой на себя ноши и неосуществимости поставленной цели. Если ты добровольно согласился взвалить на себя ношу, считай, что она уже поднята; достижению цели, которую ты перед собой поставил, может помешать только смерть — и то временно, лишь до следующего рождения, когда ты все равно ее достигнешь» . Ляжешь спать, гордый собой. А утром, на свежую голову, перечтешь и сплунешь. Ну и мудрец! То же самое можно сказать куда короче: «Взялся за гуж — не говори, что не дюж». Схалтурить изволили, Эраст Петрович.

Японский язык основательно подзабылся, поэтому писать приходилось по-русски, и не кисточкой — американским вечным пером, но все-таки это был самый настоящий Никки, а не тривиальный европейский дневник. В первый день 1914 года Фандорин торжественно вывел на обороте обложки эпиграф — начало «Записок из кельи» средневекового монаха Тёмэя: *«С той поры, как я стал понимать смысл вещей, прошло уже больше чем сорок весен и осеней, и за это время накопилось много необычного, чему я был свидетелем»* . В чудесной английской тетрадке с металлическими зажимами сменилось уже два стостраничных блока дырчатой бумаги. Старые записи Эраст Петрович не хранил, а просто выкидывал — Никки велся не для перечитывания

или, упаси боже, ради потомства, а исключительно во имя самого процесса. Что надобно уму и сердцу, и так останется. Что лишнее — пускай улетает, как сухая листва под ветром.

Итак, Фандорин сел за столик, заставил себя позабыть о духоте, которая из-за остановки поезда сделалась невыносимой, и аккуратно написал пониже сегодняшнего числа (16 июня) иероглиф «дерево».

С «Деревом»-то просто. В дорогу Эраст Петрович запасся путеводителями и справочниками, чтобы получить представление о местности, в которой предстояло работать. За время пути полезная литература была проштудирована, нужные странички заложены, строчки подчеркнуты. Не разбирая, что может пригодиться для дела, а что нет, Фандорин выписывал подряд всё примечательное.

Золотое перо заскользило по бумаге.

木

«Российская история города Баку насчитывает двести лет. Во время Персидского похода Петр Великий дал приказ генералу Матюшкину «идтить к Баке как

наишкорее и тщиться оный городок с помощью Божиею конечно достать, понеже ключ всему нашему делу оный». Его величество даже не представлял себе в свою доэнергетическую эпоху, до какой степени Баку — «ключ всему нашему делу». В 1859 году, когда этот приморский городок стал губернским центром, здесь проживало семь тысяч человек, а дома были сплошь «азийской архитектуры», по преимуществу глинобитные. За минувшие полвека население увеличилось в сорок раз, и это без учета нелегальных рабочих-амшари, которые приезжают на заработки из нищего Ирана и живут в «амшари-паланах», трущобных кварталах. Сколько в Баку этих бесправных пролетариев нефти, никто не считал и не собирается».

Поколебавшись (для «Дерева» одного этого абзаца было маловато), Фандорин решил переписать из книжки поучительную историю о человеке, которому город был обязан своим головокружительным взлетом.

Сорок лет назад молодой швед Роберт Нобель, брат владельца петербургского оружейного завода,

отправился в Ленкорань на поиски орехового дерева, необходимого для производства ружейных прикладов. Нужной древесины Нобель не нашел, однако, проезжая через Баку, заинтересовался нефтью, которая в те не столь отдаленные времена добывалась кустарно, из колодцев, и использовалась лишь в качестве дешевого осветительного масла. Первый промысел Роберт Нобель купил за пять тысяч рублей и нанял всего тридцать рабочих. А в 1913 году на бакинских предприятиях концерна «Бранобель» трудились 30 тысяч человек, прибыль же составила 18 миллионов.

Помимо этого впечатляющего эпизода, который убедительно подтверждал древнюю истину о том, что историю и прогресс толкают вперед люди, умеющие заглядывать в будущее, Фандорин переписал в дневник некоторые сведения о населении города.

«Здесь преобладают два племени: азербейджанские татары, совершенно неправильно называемые персами, и армяне», утверждалось в путеводителе. Однако в этнографическом справочнике коренную народность называют «азербайджанскими тюрками», и как правильнее, непонятно. В 1914 году в

губернском городе проживают 101.803 мусульманина, 67.730 русских, 57.040 армян, 1990 грузин, а также «весьма значительное количество иностранных подданных».

Ну и довольно для «Дерева», решил Эраст Петрович, перечитав написанное. Пора переходить к «Клинку».

Сделал паузу, мысленно перенастраиваясь. Маса заботливо помахал веером перед носом господина, дабы освежить ему голову.

«Зачем ты, собственно, понесся в этот Баку? — спросил себя Фандорин. — Ну то есть, понятно, зачем: чтобы найти Одиссея, который, по всей вероятности, находится где-то здесь. *Но зачем тебе Одиссей?* Что тебе за дело до полковника Спиридонова, который был изрядным негодяем и, в общем, получил по заслугам?»

А потому что нельзя спускать оскорблений. Никому. Оскорбление, оставшееся без ответа, нарушает баланс справедливости и пятнает карму благородного мужа, сказал себе Эраст Петрович, беспардонно мешая в одну кучу буддизм и конфуцианство.

Христианином Фандорин считать себя никак не мог — не был согласен с этим милосердным учением по ряду принципиальных позиций.

Например, касательно всепрощения и заповеди «не убий». За полную приключений жизнь ему приходилось много убивать — притом часто безо всяких угрызений, а иногда даже с радостью. Эраст Петрович был убежден, что при определенных обстоятельствах убивать можно и даже нужно. Как не уничтожить врага, который желает гибели тебе или тем, кто тебе дорог? Или хочет погубить твою страну? Заповедь «не убий» лицемерна, сама церковь всерьез к ней не относится, иначе попы не освящали бы боевые корабли и бронев автомобили.

И в мести ничего скверного нет, если это не мания и не патология, а справедливое возмездие. Пускай на «Аз воздам» уповают верующие, Фандорин был не из их числа. «А потом, кто знает: может, я и есть орудие Божьего воздаяния, коли уж ничего не происходит без Его воли?» — вдруг пришло в голову Эрасту Петровичу.

Мысль была не ахти какая глубокая, но вполне пригодная для раздела «Иней», поэтому, оставив для «Клинка» две пустые странички, Эраст Петрович вывел красивый иероглиф:

霜

Маса на миг скосил глаза в тетрадку. Он знал, что господин терпеть не может, когда

подсматривают в дневник, и всё же не мог удержаться. К философии японец относился с особенным почтением. А когда ему удавалось подсказать Фандорину идею для «Инея», японец был очень горд.

— У меня есть превосходное предложение насчет сегодняшнего «Инея». Одно и то же явление может менять свою суть в зависимости от того, как вы его назовете. Непонятно? — Маса снисходительно усмехнулся. — Сейчас объясню. Сама карма привела вас в город с названием БА-КУ, которое так легко обозначить иероглифами. Проблема в том, что подходящих иероглифов слишком много. Мне сразу приходят на ум четыре разных «ба» и по меньшей мере двадцать «ку». В зависимости от подбора компонентов название города может быть нейтральным, или безобразным, или судьбоносным. Например, если написать «ба-ку» как 場工, это будет «Промышленное место» — точно и сухо. Если 罵垢 — «Мерзкая грязь»; 馬嘔 и вовсе означает «Лошадиная блевотина». Но я предлагаю выбрать имя 婆馱 — «Побег от ведьмы», ибо у меня есть предчувствие, что эта поездка не только позволит вам расквитаться с обидчиком, но и принесет долгожданное освобождение от женщины, которая...

Эраст Петрович отшвырнул ручку и рявкнул:
— Маса!

Японец повинно склонил голову, как бы признавая, что нарушил негласную договоренность — никогда не говорить с господином о его семейных неурядицах, однако, судя по блеску в глазах, раскаяние было фальшивым.

Поняв, что Одиссея следует искать в Баку, Фандорин после первого приступа эйфории скривился, как от зубной боли. Из всех мест на планете с наименьшей охотой он сейчас отправился бы в этот закавказский город.

Эраст Петрович старался по возможности не находиться в одном месте со своей женой. Иногда даже специально придумывал необязательные поездки — как, например, произошло с ялтинским путешествием.

В последний день мая Клара пригласила гостей на «прощание с весной» — у нее была традиция торжественно провожать каждое время года. Заодно предполагалось отпраздновать отъезд на съемки новой фильма в город Баку. Присутствовать на утомительном мероприятии Фандорину не хотелось, потому он и придумал предлог для поездки в Крым. Вернуться Эраст Петрович предполагал на завтра после отъезда супруги. Однако судьба решила иначе. В Ялте

пришлось надолго задержаться, съемки тоже затянулись. Теперь придется ехать в Баку, и встречи с Кларой не избежать.

Что ж, тем больше причин побыстрее отыскать товарища Одиссея — и улизнуть обратно в Москву, пока правая половина дома в Сверчковом переулке благословенно тиха.

За неудачу брака обычно отвечают обе стороны, но Эраст Петрович считал виновником только себя. Ведь не мальчик и знал, с кем собирается связать судьбу. Клара — актриса, этим всё сказано. Можно ли требовать от бабочки, чтобы она всё время сидела на одном цветке? Можно ли ожидать от стрекозы, чтобы она жила по-муравьиному? Можно ли пенять русалке за то, что она не может обходиться без моря? Вот в чем заключалась первая ошибка. Вторая тоже целиком была на совести Фандорина. На свете есть мужчины, которым органически противопоказано жениться. Как можно было, дожив до шестого десятка, не понять про себя такую очевидную вещь?

Главная беда несложившейся семьи в том, что ее очень непросто разъединить, даже если союз не освящен церковью (прежний супруг Клары так и не дал ей официального развода, поэтому брак был гражданским). Разве дело в клочке бумаги! Слово благородного мужа не воробей. Предложил руку и

сердце — обратно не отберешь. Над сердцем, положим, человек не властен, но над своей рукой — безусловно.

Когда прошло первое ослепление, оказалось, что между Эрастом Петровичем и его избранницей нет совсем — то есть *совсем* — ничего общего. Теперь Фандорину казалось, что три года назад он до умалишения влюбился в какого-то другого человека, которого больше нет, а может быть, никогда не было. Ощущение подмены усиливалось еще и из-за того, что женщина, которую Эраст Петрович некогда полюбил, сменила имя. Этого потребовала кинематографическая карьера. Клара Лунная — так ее теперь звали. Фандорина тошнило от манерного, а пожалуй что и пошлого псевдонима, гремящего на всю Россию. Хуже всего, что и в повседневной жизни жена теперь требовала называть ее «Кларой», а на прежнее имя отзываться не желала. Незаживающей раной терзала Эраста Петровича мысль о том, что своей иррациональной влюбленностью он будто перечеркнул память о других, очень немногих женщинах, кого любил прежде. Он оказался недостоин их. Он их унизил, предал.

Как?! Как можно было до такой степени ослепнуть, чтобы потерять голову из-за неумной, взбалмошной, ветреной позёрки! Ветренность, к сожалению, не означала супружеских измен. Клару

не интересовали интрижки. Её главным наслаждением, смыслом существования было не предаваться любви, а *влюблять*. И синема подходил идеально для этой мании. Прекрасное лицо на экране сводило мужчин с ума, создавая иллюзию близости, но при этом связь оставалась бестелесной. Разве может сцена дать актрисе такое количество поклонников?

Решение уйти из театра в кинематограф созрело у жены Фандорина в тот момент, когда она посмотрела американскую картину «Друзья», где впервые в истории был использован крупный план. Мэри Пикфорд глядела на зрителей в упор своими магнетизирующими глазами, и зал млел под чарующим взглядом.

Мсье Симон, флибустьер российской кинопромышленности и природный психолог, на просмотр новаторской фильмы пригласил театральную артистку нарочно, исподтишка следил за ее реакцией и шепнул: «*Имажинэ* зал, в котором не тысяча *пляс*, а миллион, десять миллионов» — и переворот в карьере свершился.

Ах, если бы Клара изменила! — иной раз малодушно мечтал Эраст Петрович. Тогда можно было бы с чистой совестью ее оставить, от души пожелав счастья. Но Клару отлично устраивало ее семейное положение: необременительный, вечно отсутствующий супруг, который не докучает, не

мешает артистической жизни, не ревнует. А публике такого предъявить не стыдно — респектабелен, элегантно одет, с импозантными сединами. Несколько раз в год Фандорин отбывал тяжкую повинность — появлялся с женой в свете. Этим его супружеские обязанности, собственно, исчерпывались.

Маса, который вначале был искренне расположен к избраннице господина, без колебаний сделал свой выбор, когда увидел, что брак неудачен.

— Я все-таки договорю. — Маса посмотрел на сдвинутые брови Фандорина и бесстрашно продолжил: — Уверен, что карма направила вас в «Город побега от ведьмы» неслучайно. Вы освободитесь из неволи. Мы заживем весело и свободно, как в старые времена. Вот всё, что я хотел сказать. Мне нет прощения за такую бестактность. — И опять низко поклонился, очень собою довольный.

А хорошо бы, подумалось Эрасту Петровичу. Сердиться он перестал. Но «инейное» настроение пропало.

Пришлось вернуться к «Клинку». Пожалуй, имело смысл суммировать сведения, полученные в Тифлисском жандармском управлении, выделив полезное и отсеяв ненужное.

Д

«В.-Д. отсутствовал. Принял Турбин. Устранился, передал нач-ку ЖУ Пеструхину. Полезный человек. Wild East. Пом-к град-ка п/полк. Шубин?», — быстро застрочил Эраст Петрович, лентясь писать подробнее. Зачем? Никки ведется не для чужих глаз, а самому и так понятно.

Короткая эта запись означала следующее.

Кавказского наместника Воронцова-Дашкова, к которому у Фандорина было рекомендательное письмо, на месте не оказалось. Московского гостя принял временно исполнявший должность генерал Турбин. После пятиминутного разговора, узнав, что речь идет о розыске террориста, его превосходительство поморщился и переправил Эраста Петровича к начальнику жандармского управления полковнику Пеструхину. Предубеждение кадрового военного против политического сыска было понятно, зато жандарм отнесся к цели фандоринской поездки с полным одобрением.

Проблема Одиссея полковника необычайно заинтересовала. Он давно подозревал, что всеми действиями революционного подполья в Закавказье руководит какой-то ловкий конспиратор, однако на след преступника выйти не удавалось, и даже

личность его считалась неустановленной.

От предложения взять с собой в Баку отряд опытных агентов Фандорин отказался, но попросил описать обстановку в городе и порекомендовать какое-нибудь должностное лицо, к которому в случае необходимости можно будет обратиться за помощью.

По поводу обстановки полковник выразился коротко: «Это самое опасное место в Российской империи». В Баку вращаются очень большие, притом шальные деньги. И, как всегда бывает в подобных случаях, особенно на отдалении от центральной власти, в этих изобильных и темных джунглях водится множество зубастых хищников, рвущих друг у друга добычу. Нефтяные бароны грызутся между собой из-за барышей; тюрки и армяне враждуют; очень развит обычай кровной мести; повсюду шныряют иностранные агенты; революционеры всех оттенков занимаются экспроприациями и вымогательством, а кроме того, город кишит обыкновенными уголовниками. Ежедневно случаются нападения на хорошо одетых людей — в этом тучном городе почти у каждого приличного господина в бумажнике изрядная сумма денег, а в кармане золотые часы. Поэтому всякий мало-мальски предусмотрительный человек имеет при себе оружие для самообороны — если не может содержать личную охрану.

— Законность, откровенно говоря, и повсюду-то у нас в России плохо соблюдаемая, в Баку отсутствует вовсе, — сказал Пеструхин, бравируя либерализмом, что у жандармских офицеров почиталось особенным шиком. — Полагаю, вы этаких городов еще не видывали.

— Отчего же, видел, — ответил Эраст Петрович. — На американском Диком Западе.

Отсюда и запись в дневнике: «Wild East».

С должностным лицом тоже оказалось непросто. Формально руководителем всей правоохранительной машины является градоначальник, отвечающий за порядок в городе и на промыслах.

— Однако полковник Алтынов — человек хоть и храбрый, но, *entre nous soit dit*¹, весьма недалекий. Бестолков, суетлив. Шуму от него много, а толку мало, — со вздохом сказал Пеструхин. — Сами знаете, каково у нас с кадрами. Беда! Сменить Алтынова нельзя, потому что лично известен государю как герой и вернейший из верных: пережил три покушения, искалечен осколками бомбы. В общем, к градоначальнику относиться не посоветую... Мой коллега, начальник Губернского жандармского управления

¹ Между нами говоря (*фр.*)

Клеонтьев назначен в Баку недавно, потерялся от масштаба проблем и заваливает наместничество истерическими рапортами. Боюсь, он вам тоже не подмога. Самый дельный человек, как у нас сплошь и рядом случается, находится не на верхушке иерархии. — Полковник тонко улыбнулся, давая понять, что это правило вполне распространяется и на его собственное положение в Тифлисе. — Рекомендую вам сойтись с помощником градоначальника подполковником Шубиным. Все сложные и деликатные дела, в особенности политического свойства, мы поручаем ему, минуя непосредственного шефа. Шубин тот, кто вам нужен. Я дам ему шифрограмму о вашем приезде.

— Очень прошу этого не делать, — твердо сказал Фандорин, памятуя о том, что Одиссей имеет внутри сыскной системы своего осведомителя, который — как знать — может иметь доступ к секретной переписке. — Довольно рекомендательного письма.

На том и расстались.

Вопрос, поставленный после фамилии «Шубин» означал, что Эраст Петрович запланировал для начала присмотреться к «дельному подполковнику». Если в самом деле окажется годен, это сильно упростит задачу.

Поезд, наконец, тронулся, занавески снова

зашевелились от ветерка, но Фандорин больше не смотрел в окно — он строчил в дневнике, чтобы отделаться от тягостной повинности. В конце концов раздел «Иней» обошелся без философских сентенций. «Человек сам выбирает, какой смысл следует придать тому или иному явлению. Этот город станет для меня не «Лошадиной блевотиной» и не «Побегом от ведьмы», а иероглифом (баку), означающим «занавес», — писал Эраст Петрович, гордясь, что вспомнил подходящий омоним без Мasiной помощи. — Я опущу занавес в затянувшейся карьере господина Одиссея. Итак, решено: Баку это Город-Занавес».

— Прибываем, прибываем. — По коридору быстро шел кондуктор. — Прибываем в Баку.

Поезд начал притормаживать, заскрежетал, остановился. Двери купе хлопали, засидевшиеся пассажиры спешили покинуть вагон, однако Эраст Петрович не торопился.

У него имелась давняя (прямо сказать, не вполне мужская) привычка: не выходить из помещения, пока как следует не проверит, всё ли в порядке с внешностью и нарядом.

Взгляд в зеркало выявил неполную симметричность воротничков и легкую неаккуратность прически. Устранение непорядка заняло некоторое время. В результате Фандорин сошел с поезда самым последним, когда на перроне

уже стихали радостные крики встречающих, а часть публики потянулась ко входу в вокзал.

Здание было невиданного для глухой провинции великолепия — будто сказочный дворец из арабской сказки. «Город-нувориш, — подумал Эраст Петрович, разглядывая узорчатые стены, зубцы на крыше, ажурные верхушки колонн. — Сразу пускает пыль в глаза».

Костюм у Фандорина был летний, наилегчайший, из чудесной кремовой чесучи, но даже в тени жара оказалась нестерпимой. Что же будет на солнцепеке?

Нужно было дожидаться, пока разгрузят багаж.

Цивилизованному человеку следует одеваться красиво, удобно и разнообразно, но на сей раз в поездку собирались наскоро. Всё необходимое вместилось в четыре чемодана и два саквояжа, которые Маса уже вытащил на платформу. Однако колоссальный сундук с платьями и шляпками Клары следовал отдельно, в багажном отделении.

— Маса, проследи, чтобы поскорее выгрузили, — раздраженно велел Эраст Петрович.

Японец поклонился, исчез, а Эраст Петрович стал раскуривать сигару, оставшись подле вагона.

Толчея на перроне еще не закончилась. Суетились носильщики, кто-то обнимался и лобызался, кто-то разливал по бокалам шампанское, орали зазывалы городских гостиниц.

— Держи! Держи вора! — вопили где-то неподалеку.

Фандорин подавил зевок, думая: вокзалы повсюду одинаковы — самая космополитичная локация на свете. Вероятно, лет через сто весь мир превратится в один гигантский вокзал, и будет невозможно понять, в какой части планеты ты находишься.

Кто-то мчался по краю платформы — люди шарахались. Крики «держи вора!» неслись за бегущим по пятам. Заливистой трелью раскатился свисток городского.

Жилистый, юркий человек прыжками и зигзагами приближался к Фандорину. Чтобы поймать воришку, довольно было протянуть руку. Но пушки по воробьям не стреляют. Эраст Петрович равнодушно отвернулся.

Ах, какой это было ошибкой!

Поравнявшись с беспечно курящим пассажиром, вор внезапно со всей силы толкнул его в спину.

Шляпа из итальянской соломки полетела в одну сторону, сигара — в другую, а сам Фандорин, ударившись лицом и грудью о железную стенку вагона, рухнул в зазор между поездом и перроном.

Если не расшибся, то лишь потому, что с давних пор владел искусством правильного

падения, не раз оберегавшим Эраста Петровича от увечий и даже спасавшим ему жизнь.

Когда падаешь, нужно превратиться в кошку: одни мышцы расслабить, другие напрячь, перераспределить центр тяжести, а главное — преобразовать вертикаль в горизонталь.

О горячий бок вагона Фандорин стукнулся, еще будучи солидным господином в превосходном костюме, а на рельсы приземлился зверем из семейства кошачьих — мягко и нешумно, на четыре лапы.

Ушибиться не ушибся, но полуослеп — из-за контраста между сиянием дня и густой тенью.

Потер глаза. Тряхнул головой.

И не столько увидел, сколько почувствовал справа, в подвагонном мраке, очень близко, какое-то быстрое движение.

Что-то сверкнуло там — узкое, длинное.

Кинжальный клинок, нацеленный прямо в горло.

Самый восточный город Запада

Если от сотрясения мозга и переломов Фандорина уберегла наука правильного падения, то от кинжала спас другой навык: в миг опасности отключать разум и всецело доверяться инстинктам. Не сознание, не воля, а инстинкт заставил

полуоглушенного Эраста Петровича увернуться от удара.

Сталь звонко ударила о закопченную рессору.

Клинок, зажатый в черной руке, немедленно сделал боковое, рассекающее движение, от которого в тесном пространстве отпрянуть было некуда — но Фандорин и не стал этого делать. Он перехватил запястье неразличимого в темноте врага, резко вывернул. Оружие упало на шпалу.

Теперь нужно было обезопасить и вторую руку несостоявшегося убийцы. Не выпуская запястья, Эраст Петрович вытянулся, достал до места, где должен был располагаться левый локоть противника — но пальцы сжали пустой рукав. Однорукий? От неожиданности Фандорин на мгновение ослабил хватку, и неизвестный рывком высвободился. Извернулся всем телом, перекатился под колесной осью, пополз прочь на четвереньках.

Кремовый костюм был все равно загублен, поэтому Эраст Петрович тем же собачьим манером ринулся вдогонку. Ничего кроме подметок и черной полы какого-то длинного одеяния разглядеть было нельзя. Убийца, даром что пользовался только тремя конечностями, полз очень резво и успел вылезти из-под вагона прежде, чем был настигнут.

Выбравшись наружу, Фандорин снова наполовину ослеп — теперь уже от солнца. За десять или двадцать секунд, проведенных во мраке,

зрочки успели расширяться.

Полусогнутый человек в черной черкеске и серой папахе улепетывал через соседнюю колею, по которой, пыхтя дымом, громыхал паровоз. Убийца проскочил перед самым его буфером, а Эрасту Петровичу пришлось остановиться. Вслед за локомотивом потянулись цистерны, конца им было не видно.

Ушел!

Пробормотав слово, недостойное уст благородного мужа, Фандорин не стал дожидаться, пока проедет длинный состав — в этом не было никакого смысла.

Обратно на платформу он вылез, похожий на черта: весь в мазуте и копоти, с непокрытой головой и растрепавшимися волосами.

— Вы не убились? — обступили его свидетели инцидента (вернее, только первой его половины). — Каков, однако, мерзавец! Сшиб человека и сбежал! Ворье совсем распоясалось! Вам надобно в медицинский пункт.

— Б-благодарю, я совершенно цел, — сквозь зубы ответил добрым самарянам Эраст Петрович, и его оставили в покое.

От багажного вагона возвращался Маса, за ним носильщик катил на тележке Кларин сундук.

— Какой вы грязный! Вы лазили под вагон, господин? — удивился японец. С интересом

поглядел на кинжал, зажатый в фандоринской руке. — Красивый *вакидзаси*. Вы лазили за ним? А ножен там случайно не было?

— Где воришка? — спросил Эраст Петрович, озираясь.

— Какой «вориська»?

Обычно господин и слуга разговаривали на смешанном русско-японском наречии, причем каждый пользовался своим родным языком, но случалось, что некоторые слова Маса понимал не сразу.

— За которым тут все гонялись!

— А, *доробо*. Да, бегал какой-то. Убежал, не догнали.

Фандорин снова выругался, теперь по-японски.

— Я не знал, что его нужно поймать, — стал оправдываться Маса. — Мы же приехали в Ба-Ку не для того, чтобы ловить вокзальных *вориська*.

Эраст Петрович угрюмо вертел в руках кинжал — хвост удравшей ящерицы. Маса был прав: превосходное оружие из настоящей дамасской стали. Рукоятка слоновой кости, с искусным рифленным орнаментом.

А это что? Зачем здесь вырезан грубый черный крест?

— Позволю себе заметить, господин, что, хоть *вакидзаси* очень недурен, вряд ли стоило портить

из-за него одежду, — сказал японец. — Я бы слазил сам.

Фандорин не ответил. Он сейчас думал не об испорченном костюме.

Это было покушение, отлично продуманное и подготовленное: один сообщник столкнул намеченную жертву с перрона, другой поджидал внизу с обнаженным кинжалом. Любой человек, не обученный искусству выживания, сейчас валялся бы под платформой с перерезанным горлом.

Вопрос вот в чем: преступники хотели убить именно Фандорина, или же он стал случайной жертвой шайки вокзальных уголовников?

Пожалуй, второе. Единственный обитатель Баку, у которого имелись причины опасаться Эраста Петровича, не мог знать о его приезде. Тифлисский полковник предупреждал, что в Баку множество разбойников. Должно быть, человек в щегольском костюме и с сигарой выглядел лакомой добычей. Если столкнуть такого франта под поезд и прикончить, в карманах наверняка найдется чем поживиться. Поражала легкость, с которой бандиты отважились на «мокрое дело», но на Диком Востоке, как и на Диком Западе, человеческая жизнь, вероятно, стоит дешево.

Пока носильщики укладывали чемоданы на тележку, поверх сундука, Фандорин рассказал помощнику о происшествии.

Маса насупил редкие брови.

— Нужно найти однорукого убийцу. Этот человек вас обидел. Обиды прощать нельзя.

— Кроме того, я желал бы удостовериться, что нападение действительно было случайным, — заметил Эраст Петрович, пытаясь оттереть платком пятна на коленях. — Думаю, мы без большого труда отыщем субъекта с такими характерными приметами: пустой рукав, черная черкеска, серая барашковая папаха, мягкие сапоги без каблуков.

— И оторвем ему вторую руку. — Лицо японца просияло кровожадной и в то же время лучезарной улыбкой. — Поездка становится всё интересней, господин. Мы искали одного обидчика, теперь будем искать двоих. Клянусь Иисусом Христом и перерождением души, мне нравится этот город.

Через великолепный зал ожидания, в котором мог бы разместиться двор восточного владыки, они вышли на привокзальную площадь, почти целиком занятую пышнозеленым сквером, содержание которого в столь жарком климате, на почти безводной почве, должно было стоить городу немалых денег.

Эраст Петрович огляделся, впитывая первые впечатления от Баку.

Ярко. Знойно. Шумно. Пахуче. Суетливо.

Было много извозчиков, частных экипажей,

автомобилей, но толкаться среди толпы пассажиров, только чтоб поскорее уехать, не хотелось. Лучше подождать, пока публика разъедется, а тем временем заpastись местной прессой.

Газетчики вокруг так и сновали. Их вопли были по большей части непонятны:

— К забастовке присоединились Балаханы!

— На двести двадцать пятой забил фонтан!

— В Мардакянах кровник застрелил Гаджи-Раджаба-Зарбали-оглы!

— В Сараеве убит наследник австрийского престола!

Эраст Петрович схватил мальчишку, крикнувшего про Сараево, за плечо:

— Что-что? Дай-ка.

Местная газета «Каспий» перепечатывала сообщение телеграфного агентства «Рейтер»:

«Из Вены. 15 (28) июня в боснийском городе Сараево девятнадцатилетний серб произвел выстрелы из револьвера в эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супругу. Обе августейшие особы были смертельно ранены и вскоре скончались. Австро-Венгерская империя потрясена. Повсюду проходят антисербские

манифестации».

Вчера ночью, когда поезд отправлялся из Тифлиса, о покушении еще не было известно.

Рядом, тоже с газетой в руках, дожидался извозчика инженер из соседнего купе. Поклонившись Фандорину, он сказал:

— Бедный Франц-Иосиф! Над ним тяготеет злой рок. Брата казнили мексиканцы. Жену закололи напильником. Сын застрелился. А теперь убили племянника! Что за несчастное семейство эти Габсбурги!

В эпоху, когда Фандорин вынужденно обретался за пределами отечества, ему довелось свести знакомство с «несчастливым семейством», для которого он провел одно деликатное расследование, оставшееся тайной для прессы и даже полиции. Несколько раз встречался Эраст Петрович и с императором Францем-Иосифом. Над этим долгожителем, сидящим на престоле уже седьмое десятилетие, принято посмеиваться, однако лоскутная центрально-европейская страна удерживалась на плаву лишь опытом и хитростью старого лиса.

Если собственная империя, Российская, по мнению Эраста Петровича, недужила тяжело, но, может быть, еще не смертельно, то держава Габсбургов дышала на ладан. Государственное

образование, в котором одна большая нация попирает множество других, еще может кое-как существовать на задворках Европы и на просторах Азии. Однако посреди просвещенного континента подобный анахронизм не имеет шансов на выживание. В России господствующая народность, великоросская, по крайней мере составляет почти половину, а в Австро-Венгрии немцев, сосредоточивших в руках всю полноту административной власти, — едва пятая часть населения. Фандорин давно пришел к убеждению, что разношерстные по этническому составу, верованиям и культурным традициям народы могут мирно уживаться лишь в том случае, если это всем выгодно и никто не чувствует себя ущемленным в правах. Иначе рано или поздно случится взрыв. Россия пока еще может этой трагедии избежать — если правительство переменит свою конфессиональную и национальную политику по отношению к тридцати миллионам мусульман, десяти миллионам католиков, шести миллионам иудеев и прочим «второсортным» и «третьесортным» обывателям. Лишь бы только не произошло внешнего либо внутреннего потрясения.

А Сараевская трагедия вполне может перерасти из проблемы австрийской или австрийско-сербской в более серьезный конфликт. Всем известно, что Россия считает Сербию своей

зоной влияния, сербы уповают на царя как на своего покровителя. Не хватало только войны двух инвалидных империй из-за столкновения государственных самолюбий.

«Впрочем, такой исход маловероятен. Не сошли же они с ума. Обменяются нотами, составят конфликтную комиссию, проведут согласительную конференцию. Как-нибудь уладится», — успокоил себя Эраст Петрович.

Тем временем подошла очередь садиться в экипаж. От элегантной пролетки пришлось отказаться — Кларин сундук в нее бы не влез. Взяли фаэтон, длинную двуконную коляску, где багаж можно было уложить и сзади, и на дне.

— Куда прикажешь, эфенди? — спросил чернобородый возница в плоской шапочке.

— На Горчаковскую улицу. Гостиница «Новая Европа».

Фандорин сделался мрачен и собран. Не из-за Австрии и даже не из-за вокзальных разбойников. Надо было укрепить нервы перед встречей с супругой.

С кислой миной смотрел он на дома и улицы Города-Занавеса.

Азия, померещившаяся в константинопольских контурах вокзала, растаяла. Фаэтон подпрыгивал по булыжнику идеально прямого, совершенно европейского проспекта.

Дома каменные, в три-четыре этажа. Будто на Петровке или Неглинной. Публика тоже малоинтересная — как в центральной части Тифлиса. То есть попадались прохожие в восточном наряде, но они составляли незначительное меньшинство. Дамы шли с кружевными зонтиками, в воздушных шляпках и светлых платьях, а когда на перекрестке показались две женские фигуры с закрытыми лицами, Маса чуть не вывалился из коляски — всё оглядывался, ужасно заинтригованный. Он никогда еще не бывал на мусульманском востоке.

Бакинки в чадрах встретились им еще несколько раз, и каждый раз японец впивался в них взглядом.

— Должно быть, женщины в Ба-Ку очень умны, — наконец изрек он.

— С чего ты взял?

— Те, кто уродлив, предпочитают прятать лицо. Это ли не свидетельство ума?.. Но встречаются и глупые, — прибавил он минуту спустя. — Вон та тощая *кикимора* лучше бы завесилась тряпкой.

Русское слово «кикимора» вошло в речевой обиход Масы недавно — понравилось своей звучностью и японообразностью.

А у Фандорина обнаружился новый повод для расстройства. Оказалось, что в Баку мужчин,

одетых точь-в-точь как неудачливый убийца (черная черкеска, серая папаха и даже кинжал с костяной ручкой на поясе), довольно много. Из особых примет оставалась лишь однорукость.

Самый надежный способ перебить сгущающуюся хандру — сделать что-нибудь полезное. Кларин сундук может подождать. Не начать ли с подполковника Шубина? Костюм, правда, испачкан, и шляпа потеряна. Ну и ладно.

— Поезжай сначала в градоначальство, — сказал Эраст Петрович вознице, заглянув в карманный путеводитель. — Садовая дом один, знаешь?

— Кто не знает? — певуче откликнулся бородач, полуобернувшись и прикладывая ладонь к груди.

Не желая терять время даром, Фандорин развернул складную карту города. Нужно было как можно скорее разобраться в местной топографии.

«Так... Фазтон едет через регулярные кварталы, выросшие уже при русских. Где-то слева старый город, бывшая столица Бакинского ханства. Ага, вон за аккуратным, но лысоватым бульваром показалась серо-желтая стена с закругленными зубцами — напоминание о Востоке».

Но по правой стороне, увы, сплошной шеренгой тянулись серые фасады домов французской архитектуры. Фандорин почувствовал

некоторое разочарование, как в свое время от знакомства с Иокогамой, в облике которой оказалось так мало экзотики.

«Бесцеремонный паук-Запад всё больше оплетает своей серой паутиной планету. Стандартная архитектура, единообразие одежды, повсюду европейская речь. Вот ведь восточный город, принадлежащий русскому престолу, а улица будто в Ницце, половина вывесок — на французском и немецком».

— Градоначальство, эфенди, — показал фаэтонщик, придерживая лошадей.

В самом конце широкого бульвара — дальше уже шла морская набережная — виднелся красивый особняк: лепной фасад, нарядные балконы, вдоль по тротуару фигурные фонари. Если б не дежурившие у парадного входа полицейские, невозможно было бы заподозрить, что в этом нарядном палаццо располагается скучное казенное учреждение.

— Жди. Могу задержаться, — сказал Эраст Петрович помощнику.

Внутри здание оказалось еще роскошней, чем снаружи. Вряд ли в каком-нибудь другом градоначальстве империи на интерьер было потрачено столько мрамора и бронзы, а под высоким потолком посверкивала хрустальная люстра — такую хоть в театр. Ее донце,

переливающееся всеми цветами радуги, венчал золотой круг с крупно выгравированной надписью «Дар от XXVIII Съезда Нефтепромышленников».

«А-а, ну тогда понятно».

Подождав несколько минут в очереди к окошку дежурного, Эраст Петрович спросил, на месте ли помощник градоначальника Шубин. Нет, был сухой ответ. Подполковник уехал и нынче уже не ожидается.

Пришлось сказать, что к Шубину срочное письмо из канцелярии заместителя.

Чиновник изобразил вежливую улыбку:

— Если срочное, посоветую поискать господина подполковника в Локанте. По понедельникам об этот час они всегда там.

— Что это такое? — спросил Фандорин, доставая книжечку.

— Ресторан-варьете.

Несколько удивившись, Эраст Петрович не стал записывать адрес увеселительного заведения. С Шубиным лучше было поговорить в серьезной обстановке, без помех.

Получалось, что крюк проделан зря. Сразу приступить к делу не получилось.

— Хорошо, 3-заеду позже.

Гостиница «Новая Европа», современное семиэтажное здание, Фандорину не понравилось.

Ну Европа, ну новая. Могло бы стоять в Москве или в Берлине. И вся Горчаковская улица была такая же дистиллированно-европейская. Только для Европы было очень уж жарко.

К коляске бросились швейцары — разгружать багаж.

— Только сундук, — сказал Фандорин, а Маса и фаэтонщику снова велел ждать.

В вестибюль Эраст Петрович вошел, будто в приемную зубного врача — с выражением кроткой и мужественной готовности к страданию. Приблизился к рецепции.

— Госпожа Клара Лунная у себя?

Надутый портье с подозрением оглядывал запачканный фандоринский пиджак и молчал.

— Разве киносьемочная г-группа остановилась не у вас?

— Точно так-с, у нас. Однако, если вы к госпоже Лунной на предмет автографа, беспокоить строжайше воспрещено. Даже не просите.

Эраст Петрович знал, что Клара превосходно умеет влюблять в себя обслуживающий персонал. Лакеи, официанты, горничные, гримеры всегда грудью встают на ее защиту. Обожание достается Кларе не за щедрые чаевые, а за превосходно сыгранную человечность. Интимно улыбнуться, легко коснуться рукой плеча, а лучше всего доверительно пожаловаться на мигрень или

усталость — и сердце маленького человека завоевано.

— Я не за автографом. Передайте госпоже Лунной, что приехал муж.

На щекастом лице служителя сменилась гамма сильных чувств. Недоверие мелькнуло и исчезло — такой солидный господин, пускай в грязном костюме, врать и тем более шутить не станет; оживление (такая новость!); затем почему-то смятение.

— Здесь ли она? — нетерпеливо спросил Эраст Петрович. Разбираться в переживаниях гостиничного портье ему было недосуг.

— Так точно-с, в зале «Трианон». Он заарендован под съемочный павильон. Вся группа там, работают. Господин режиссер очень ругаются, если кто-то помешает, однако ради такого гостя...

Портье изобразил готовность немедленно, сию же секунду, сорваться с места, но Фандорин с облегчением воскликнул:

— Нет-нет! Пусть работают. Велите поднять в номер вон тот сундук, а я оставлю для Клары записку.

— Не угодно ли покамест заселиться?

— Не угодно. Я остановлюсь в другом отеле. У меня в городе свои дела, вся эта суэта будет мне мешать. — Фандорин показал на рабочего в синем халате, который проворно катил через вестибюль

какую-то огромную прожекторообразную штуку.

— Понимаю-с...

Однако по изумленной физиономии портье было видно, что он не может взять в толк: кто в здравом уме может отказаться от счастья поселиться в одном номере с Кларой Лунной?!

— Эй, милейший! — поманил Фандорин рабочего. — Когда закончится съемка?

— Через десять минут перерыв. Лампам передых нужен, — ответил тот (вероятно, это был осветитель).

Эраст Петрович заторопился.

— Какая гостиница в Баку самая лучшая?

— Наша, — с достоинством ответил портье.

— Ну а номером вторым какая?

— «Националь». Приличное заведение, но с нами не сравнить. Однако, если в съемке скоро будет перерыв, отчего бы вам не присесть за столик? Я распоряжусь подать оранжаду. А если прикажете — выну из холодильника шампанское.

— Не нужно. Я еще вернусь.

Фаэтонщику повезло — теперь ему предстояла поездка в третий конец.

— «Националь» знаешь?

— Кто не знает, — всё с той же флегматичной почтительностью поклонился азиат.

Наврал толстощекий портье — отель

«Националь» был respectableней «Новой Европы». И дороже. Цены на номера заставили Фандорина покачать головой.

Зато здесь было уютно и старомодно, без нуворишеского шика, а вышколенная прислуга встретила нового постояльца так, будто ждала его всю жизнь. Плохо лишь, что до Клариной гостиницы было очень уж близко, всего пять или десять минут пешком. Едва Эраст Петрович успел умыться и переодеться в белую полотняную пару, как раздалось громкое «тук-тук-тук». Прислуга столь энергично не стучит.

«Неужто Клара? Ну разумеется. Чертов портье сразу же понесся к ней докладывать о приезде мужа и о том, куда тот отправился».

Растягивая губы в вежливой улыбке, Фандорин открыл дверь — и улыбка из натянутой сделалась обыкновенной, естественной.

— Эраст Петрович! Господин Маса!

На пороге, сверкая всеми зубами, стоял молодой франт. Жилет у него был в золотую искорку, напомаженный кок сверкал и лучился, нафиксатуаренные усики торчали хвостиками. Мсье Симон, кинематографический продюктёр, старался выглядеть так же безупречно, как Фандорин, но немного перебарщивал с элегантностью.

Эраст Петрович пожал старому приятелю руку. Маса гость низко поклонился, а японец важно

кивнул — такой у них был ритуал. Потом оба просияли.

— Сенка-кун! Какой старый стар, мородец, — похвалил Маса. — Морсина на рбу.

К тридцатилетнему возрасту «мородец» успел прожить уже несколько очень разных жизней, так что, глядя на него, Фандорин иногда задумывался о бездонных ресурсах метаморфизма, заложенного в человеческую натуру и так мало используемого большинством живущих.

Когда-то человек, которого вся киноиндустрия знала под именем «мсье Симон», был малолетним хитровским уголовником, потом заделался натуральным парижанином и энтузиастом «серебряного экрана», а в последние три года опять пустил корни на российской почве. От всех этих пертурбаций и нехватки формального образования речь Симона представляла собой рагу из русского и французского. Когда не хватало нужного слова или оборота, «продюктёр» без колебаний вставлял галльское *мо* и нимало тем не смущался.

— Почему ты не на съемке? — спросил Фандорин.

— Пур куа фэр? — пожал плечами Симон. — Я продюктёр, а там распоряжаются режиссер и киносьемщик.

Цепкий взгляд Эраста Петровича отметил, что

за неподдельной радостью молодого человека, кажется, скрывается смущение. С чего бы? Симон конфузливостью никогда не отличался.

— Ваш арриве такая неожиданность! — с несколько преувеличенным энтузиазмом воскликнул продуктёр. — Клара меня не предупредила...

— Это для нее сюрприз. — И Фандорин поменял неприятную тему. — Как движется картина? Я знаю, случилась 3-задержка. У тебя опять финансовые трудности?

Как известно, у каждого человека есть своя денежная карма: кому-то деньги сами идут в руки; другой бьется, урабатывается до полусмерти — и вечно сидит на мели. У мсье Симона денежная карма была своеобразной. Золотые ручьи стекались к нему со всех сторон, без видимого усилия, но так же быстро убулькивали дальше, оставляя продуктёра ни с чем. Нет, Симон не шиковал, не пускал деньги на ветер. Он был расчетлив, даже прижимист. Но им владела одна-единственная страсть — снимать кино, и каждую копейку он вкладывал в очередной проект. За первые два года российской жизни Симон сделал шесть картин: три удачные и три провальные, то есть трижды разбогател — и трижды разорился. После очередного банкротства, весь в слезах, он пришел к Фандорину просить в долг. Эраст Петрович дал не

только денег, но и совет, изменивший всю жизнь кинопромышленника.

— Тебе не будет удачи с собственными деньгами. Ты не виноват, это такая особенная карма. Попробуй работать с чужими капиталами.

Тогда-то Симон и изобрел новую профессию: снимать картины на средства, привлеченные со стороны, и лично следить за каждым потраченным рублем. Поскольку русского слова для этого ремесла не существовало, Симон пополнил дефицит за счет французского языка — и стал «продуктёром».

Оказалось, что Симон виртуозно умеет *находить* деньги и рачительно ими распоряжается. В качестве режиссера на собственных постановках он был не особенно хорош, однако обладал фантастическим чутьем на талантливых людей. Предшествующая его фильма «Гибель Титаника» с Кларой Лунной в заглавной роли собрала рекордную кассу и даже попала на европейский кинорынок. Новую постановку на ориентальную тематику Симон затеял с невиданным размахом и рекордным бюджетом (если верить газетам, чуть не в триста тысяч).

Фандорин правильно рассчитал, что, спросив про съемку, избавит себя от необходимости объяснять причины своего приезда.

— Нет, с деньгами па де проблем. Никогда

еще я не был так свободен в расходах. Но эта восточная медлительность! Никакой пунктуалитэ! А ведь я замыслил совершить революсьон, сделать русский синема первым в мире! О, мсье Гомон еще пожалеет, что не взял меня в партнеры! — Глаза продюктёра загорелись, щеки порозовели — он сел на любимого конька. — Я делаю цветную и звуковую картину, со съемкой на три камеры, с умопомрачительной экзотик ориэнталь, с божественной Кларой Лунной! Мир сойдет с ума!

— Цветную и звуковую? — заинтересовался Эраст Петрович, считавший своим долгом следить за новинками прогресса во всех технических отраслях. — Как это возможно?

— Очень просто! То есть очень непросто... Кадры будут раскрашены вручную, во всех копиях. А звук будет пререкордэ на граммофонную пластинку. Бьен сюр, актеры на крупном плане у нас не говорят — только издали или со спины. Но шум природы, улицы, звуки боя — всё будет натюрель! Эта система озвучания называется «Хронофон».

— Любопытно, — признал Фандорин. — Может произвести сенсацию. Публика падка на новое.

— О, это лишь половина моего прожэ! На прошлой картине я сделал великий декуверт: для успеха фильма нужно превращать заглавную

актрису в этуаль, сияющую на небе. Я вложил пятьдесят тысяч в печатание афиш, карт-посталь, календарей, я начал издавать иллюстрированный магазин — и на каждой обложке Клара Лунная.

— Да, я видел, — вздохнул Фандорин.

Правая половина дома в Сверчковом переулке была вся завешана произведениями полиграфического искусства: Клара с заломленными руками, Клара с ослепительной улыбкой, Клара с трагически поднятыми бровями, Клара на коне, Клара на айсберге и прочее, и прочее.

— Вы не представляете, какой это дало эффект! — Симон не заметил тени, пробежавшей по лицу собеседника. — Новая фильма еще не снята, а прокатчики уже завалили нас заявками! Армия Клариных обожателей выросла вдесятеро! Конечно, поклонники создают сертэн дискомфорт — особенно здесь в Баку, где мужчины так пылки и настойчивы, но это только усиливает люмьер, которым окутана настоящая этуаль!

Лишь сейчас рассказчик обратил внимание на помрачневшее лицо Эраста Петровича и сбился, сообразив, что мужу вряд ли приятно слушать такое про свою жену. Но долго смущаться было не в характере Симона.

— Есть еще одно последствие этуализации кинематографа. — Он сделал комичную

гримасу. — Теперь тысячи женщин мечтают стать этуалями. Театральные актрисы, курсистки, гимназистки, скучающие дамы шлют мне тысячи писем и фотографий. Я стал пользоваться гран-сюксэ у женского пола. Не успеваю делать селексьён.

— Что такое серексьён? — спросил Маса, переставший раскладывать вещи и наостривший уши, как только речь зашла о женщинах.

— Отбор кандидаток на роли. Проверяешь, хороша ли лицом и фигурой, талантлива ли. Негодных отсылаешь.

— Похоже на *casting*, так у англичан называется отбраковка лошадей перед скачками, — поморщился Фандорин.

— Кастинг, — повторил Симон звучное слово. — Звучит солидно. Жестче, чем селексьён. Запомню.

Маса подошел, полуобнял приятеля, заговорил вкрадчиво:

— Сенка-кун, ты борсьей черовек, очень дзанятой. Тебе нудзен помосьник, дерачь кастинг. Я тебе помогу. Кто учир тебя обрасяться с дзенсинами? Я дзнаю торк в дзенсинах. Рицо, фигура — всё будзет самое рючшее.

Представив себе фильму, в которой сплошь играют актрисы, соответствующие Масиному вкусу, Фандорин содрогнулся.

Но Симон выкрутился:

— Вы забыли о таланте, сенсэй. Только продюктёр может определить, есть ли в актрисе потенсыял коммерсиаль. Даже режиссёры этого не понимают.

Маса задумался.

— А еси дзенсина очень курасивая, но нетарантривая? Неудзери ты ее, бедную, выгоняешь?

— Беру в ассистентки, — хихикнул Симон и посмотрел на часы. — Ой, Эраст Петрович, идемте скорей, пока перерыв. Как только остынут лампы, снова начнется турнаж, и режиссёр к Кларе никого не подпустит. Он у нас сумасшедший.

— Да-да, идем.

Идея провести разговор с Кларой коротко, пока не остыли лампы, Фандорину понравилась. Соблюсти приличия — и свободен. Можно спокойно заняться делами.

По дороге обратно в «Новую Европу» (из-за жары шли небыстро, старались держаться тени) Симон без остановки рассказывал про картину. Эрасту Петровичу было неинтересно, он слушал вполуха.

— Режиссер у меня полный ку-ку, хоть сейчас в азиль для психов. Мне с ним ужасно повезло, я просто на седьмом небе! — не заботясь о логике,

стрекотал Симон. — Я Леона Арта этого сначала взял от дезеспуара. Денег на картину не было. А у него дядя нефтяной прэнс. Хотел сделать из племянника спесьялист, послал учиться в Америку, на нефтяные промыслы. А Леон в Калифорнии влюбился в синема. Сказал дяде: не хочу нефть, хочу кино. Ву компрене? У Леона есть деньги, но он не знает, как делать кино, а я знаю, как делать кино, но не имею денег. Вы не поверите: когда его встретил, я был просто в бездне отчаяния!

Симон мог находиться только в двух эмоциональных состояниях: либо на седьмом небе, либо в бездне отчаяния, поэтому Эраст Петрович подавил зевок и ничего не сказал.

— Мой прожэ ориэнталь рассыпался, все деньги пропали, кредиторы грозят судом. Я вам рассказывал, как гнусно обманул меня эмир бухарский?

Фандорин покачал головой.

— Ну как же! Это был кошмар, восточное вероломство! Я собрал деньги, чтобы снимать ориэнтальную фильму в натуральном мильё — не в павильоне и не в Крыму, а на самом настоящем Востоке. По сценарию нужен Багдад, но Бухара — это еще лучше. Не так далеко, заграничные паспорта доставать не нужно, а мечети, дворцы, куполь, эти, как их, минареты — всё, как тысячу лет назад. Договорился с двумя бухарскими

министрами. Это была бы сенсасьон! Но перед самым отъездом вдруг началось. Придворная канцелярия написала, что его светлость эмир обеспокоен — не будет ли в картине чего-нибудь зазорного для Бухары. Затребовали на прочтение сценарий. Вообразите! Я сценарий даже актерам читать не даю! За него большие деньги уплачены. Украдут идею — и адъё. Отказал. Раз так, пишут, не приезжайте. Иначе секир-башка. Полный крах! Я в бездне отчаяния. Экспедисьон сорван, скандал в газетах, инвестисёры забрали назад деньги. — Симон схватился за голову, охваченный ужасными воспоминаниями. — И тут Леон Арт. Прочитал в газете про картину. Деньги, говорит, есть. Снимать можно в Баку. Один кондисьон: режиссером будет он. Я согласился, потому что выхода не было. И что вы думаете? Леон оказался безумно талантлив! — в восторге вскричал продюктёр. — Я на седьмом небе! Мы с ним перевернем всю индустри синематографик!

Они уже дошли до отеля, но Эраст Петрович не спешил войти — показал жестом: рассказывай, хочу дослушать.

У входа группками стояли и курили люди — одни в обычной одежде, другие в тюрбанах и халатах. Значит, перерыв еще не закончился, а Фандорин хотел попасть к Кларе в самую последнюю минуту.

— Что за к-картину ты снимаешь?

— «Любовь калифа». Магия и тайна Востока! Впервые на экране! — Симон поцеловал кончики пальцев. — Не сюжет — марципан! Великий Гарун аль-Рашид, калиф багдадский, по ночам бродит переодетым по Багдаду, чтобы знать жизнь простого народа. Видит в окне красавицу Бибигуль. Кудефудр! Сражен в самое сердце! Но Гарун решает скрыть свой позисьон, чтобы Бибигуль полюбила мужчину, а не владыку.

— Оригинальный сюжет, — не удержался Эраст Петрович.

— И я про то же! Беда в том, что в красавицу влюблен глава ордена убийц-ассасинов злодей Саббах.

— Погоди, — удивился Фандорин, — если ты имеешь в виду Хасана ибн-Саббаха, он жил на три века позднее Гаруна. Во времена аль-Рашида ассасины еще не существовали.

— В самом деле? — Продюктёр не опечалился. — Ну, а у нас так. Неважно. Сейчас будем делать турнаж сцены, от которой все сойдут с ума. Имажинэ: злодей замыслил овладеть красавицей, одурманив ее парами гашиша. Бибигуль во власти сладострастных видений воображает, будто с нею прекрасный юноша, которого она видела из окна, а на самом деле это — Саббах. Леон придумал невероятно смелый

мизансён. Боюсь, в России будут проблемы с цензурой. Думаю, мы сделаем специальный вариант для заграничного проката — без купюр. Клара обнажает ногу до самого колена, а через прозрачную кисею видно грудь. Только вообразите, какая это будет бомба!

Он со счастливой улыбкой воззрился на мрачную физиономию Фандорина. Спихватился, испуганно заморгал. Эраст Петрович думал не про прозрачную кисею, а про то, что, наверное, уже пора идти. Симону он успокаивающе кивнул.

— Тут появляется Гарун, и эта сцена разбивает ему сердце... — все же несколько скомканно завершил рассказ продюктёр. — Сейчас будем снимать концовку эпизода, объяснение Гаруна с Бибигуль. Ой, идемте, остается пять минут!

В вестибюле гостиницы народу было еще больше, чем снаружи. Здесь вперемежку разгуливали и болтали друг с другом стражники, молодые люди в коротких модных пиджачках, стриженные барышни с папиросами, рабочие в фартуках. Симон фамильярно приобнял одалиску в шальварах:

— Где Клара?

— Репетирует. Леон нас всех выставил из павильона.

Вдвоем они прошли коротким пустым коридорчиком.

— Я арендовал под съемку банкетный зал, — объяснил шепотом Симон. — Все интерьеры турнируем там, только декорасьон меняем...

Перед дверью, края которой были обиты войлоком, он остановился, приложил палец к губам. Выражение лица сделалось сосредоточенно-благоговейным, будто в церкви перед алтарем.

— Леона нельзя сбивать с настроения, — одними губами прошепел продюктёр. — Он устраивает истерику, отказывается работать. Тогда весь день пропал...

Бесшумно приоткрыл створку. Фандорин заглянул через его плечо.

Окна зала были наглухо закрыты щитами. На одном нарисованы купола и минареты, на другом висит большая, ослепительно яркая лампа, очевидно, изображающая солнце или, быть может, полную луну.

Деревянные перегородки, составленные буквой П, огораживали середину помещения. С внешней стороны они были из грубо сколоченных досок, но изнутри увешаны коврами, так что получалась богатая, по-восточному украшенная комната. Сильные прожекторы освещали ее с трех сторон. Стояли две кинокамеры: одна на отдалении,

вторая прямо над диваном, где сидели репетирующие.

Клара была с выкрашенными в черный цвет волосами, одета в газовую тунику. Вообще-то восточной красавице полагалось бы носить шальвары, но тогда не было бы видно стройных ножек.

— ...Вот так вот закрываете рукою глаза и сладострастно стонете, — говорил молодой человек в чалме и парчовом плаще. Он приложил кисть ко лбу, изогнул шею и томно протянул: — О-о-о-о-о...

— Это Леон, — шепотом объяснил Симон. — Прогнал Мозжухина, захотел сам играть калифа. И получается манифик. Талант — он во всем талант!

— Я еще во власти гашиша? — спросила Клара.

Режиссер вскочил, сдернул с головы тюрбан, длинные черные кудри рассыпались по плечам.

— Ах, при чем здесь гашиш! Вы околдованы чувственной страстью, она сильнее наркотика! Вы даже не поняли, что это он! Вам все равно, кто — он, другой! Бывают такие мгновения. Вы любите любовь! Вы женщина!

Он ломал тонкие руки, прижимая их к груди. Красивое лицо, одухотворенное, подумал Фандорин. Даже чрезмерный нос не портит. Похож на Сирано — поэтический гасконец.

Взволнованная речь режиссера казалась

Эрасту Петровичу сумбурной и невразумительной, но Клара, кажется, отлично всё понимала.

— Ах, в этой сцене нужно не сыграть, а... — Длинные пальцы Леона изобразили в воздухе какую-то арабеску. — Ну понимаете, да?

— Конечно!

— Ну чтобы, как по коже... — Он наклонился и нежно погладил актрису по обнаженной шее — Фандорин удивленно моргнул. — Вот если так, то приятно, да?

— Да, да! — проворковала Клара, прижимаясь щекой к руке режиссера.

— А надо вот так! — Тот царапнул ее. — Чтобы сдирать, чтобы мясо под ногтями, чтоб больно! Это и есть искусство! Чтобы сначала больно, а потом... Понимаете?

— О да!

— А потом в камеру — таким взглядом, долгим, в котором... — Леон опять замахал руками, не в силах найти нужные слова. — Я думал про эту сцену всю ночь. Я стихотворение написал... Оно вам лучше объяснит, слушайте.

Клара воззрилась на постановщика снизу вверх сияющим взглядом, очень хорошо памятным Фандорину по недолгому идиллическому периоду их брака. Эраст Петрович вопросительно поглядел на Симона. Тот был красен, глаза опущены.

— Виноват... Недоглядел... — пролепетал

продюктёр. — Хотя что я мог?

«Ах вот чем объясняется твоя сконфуженность, — подумал Фандорин и присмотрелся к репетирующей паре внимательней. — Режиссер пылает страстью, это видно по румянцу, по лихорадочному блеску в глазах. Но и Клара влюблена. Или играет влюбленность. Хотя у нее это одно и то же. Так, может быть, Маса был прав, когда предложил наречь Баку «Побегом от ведьмы»? Господи, неужто... Это было бы избавлением! Талантливый режиссер — вот кем Клара способна увлечься всерьез и надолго. У них столько общего».

А господин Арт тем временем декламировал стихотворение. Голос у него был звучный, превосходно модулированный.

Когда-нибудь, быть
может, скоро
Я маску тесную
сниму
С лоскутьями
приросшей кожи.
Мне будет больно —
ну и пусть.
Из добровольной той
неволи.
Как Одиссей на зов

сирены,
Бегу я прочь с
постылой сцены.
Всё! Я избавился от
боли.
Сорвался смех,
утихла грусть.
Молчит партер,
умолкли ложи.
В пустую заглянёт
тюрьму
И отвернется
Терпсихора.

— О, как это прекрасно! — простонала Клара. Великолепные обильные слезы хлынули у нее из глаз. Этот ее «слезный дар» — умение естественно плакать на сцене — всегда потрясал театральных зрителей.

— Чего прекрасного? — пробурчал Симон, очевидно, переживая за Эраста Петровича. — Не в склад не в лад. В середине стиха вроде начало получаться, а потом опять сикось-накось.

— Отчего же? — возразил Фандорин. — Довольно изящно. Новомодное стихотворение-реверси с зеркальной рифмовкой. В салонах исполняется на два голоса — мужской и женский, под аккомпанемент фортепьяно. Мужчина

читает первую строку, женщина приглушенным эхом — последнюю; мужчина — вторую, женщина — предпоследнюю. И так всё стихотворение с обеих сторон.

— А? — переспросил Симон, малочувствительный к изящной словесности.

Нет, измены еще не случилось, определил Фандорин, глядя, как режиссер благоговейно опускается на одно колено и припадает губами к кончикам Клариных пальцев. Но это вопрос времени. Нужно просто не путаться у них под ногами.

И вдруг опомнился, устыдился. Может ли благородный муж рассуждать таким циничным образом? Особенно если он — муж!

— А что это мы с тобой всё шепчемся? — сердито сказал Эраст Петрович, толкнул дверь и, стуча каблуками, вошел в съемочный павильон.

— О боже!

Увидев неизвестно откуда взявшегося супруга, который направлялся к ней решительной походкой, Клара вскочила, прижала ладони к пылающим щекам.

Поднялся и Леон Арт. Его тонкое, нервное лицо исказилось от ярости.

— Что такое?! Кто посмел?!

— Это мой муж... — пролепетала Клара и попыталась улыбнуться. — Эраст, милый, я,

конечно, писала, что безумно скучаю, но зачем же было...

— Я привез ваши наряды, — прервал ее Фандорин. — Сундук уже в номере.

Режиссер смертельно побледнел. Прекрасные черные глаза гения расширились от ужаса и будто остекленели. Эраст Петрович почувствовал себя Медузой Горгоной. Как можно приятней улыбнулся режиссеру, представился.

Тот подал вялую, слабую руку. Лицо стало трагическим. Казалось, господин Арт сейчас разрыдается.

— Я остановился в другом отеле, чтобы не мешать вашей работе, — спокойно продолжил Фандорин, обращаясь к жене. — У меня в Баку дела. Я буду очень сильно занят. Возможно, мы больше не увидимся. Но я непременно хотел п-показаться и пожелать удачных съемок.

Режиссер ожил на глазах. Белое лицо пошло розовыми пятнами. Зато Клара, кажется, была озадачена и смотрела на супруга вопрошающе.

Испугавшись, что переборщил, Эраст Петрович быстро прибавил:

— Конечно, если у меня выдастся свободное время и совпадет с перерывом в вашей работе, мы непременно, непременно с-соединимся, чтобы...

Здесь он запнулся, не придумав, для чего им с Кларой так уж нужно соединяться. На помощь

пришел Леон Арт, который уже оправился от потрясения.

— Дорогой, несравненный Эраст Петрович, Клара рассказывала мне о ваших занятиях! Я знаю, что вы бываете обременены заботами государственной, колоссальной важности! Клянусь, я сделаю всё возможное, чтобы перестроить график съемок максимально удобным для вас образом!

Так я тебе и поверил, подумал Фандорин — и улыбнулся молодому человеку еще дружелюбней.

— Завтра мой дядя устраивает у себя на даче прием в честь Клары, то есть в честь госпожи Лунной. Это будет событие всебакинского значения! — Леон произнес «всебакинского» очень торжественно — как обычно говорят «всемирного». — Вы приехали очень вовремя!

— Сожалею, но не смогу присутствовать. Дела, — развел руками Эраст Петрович.

— Я очень прошу вас быть там. Ради меня. — Клара нежно улыбнулась ему. — Согласитесь, это странно. Все будут знать, что приехал мой муж, а на празднике в мою честь он отсутствует. Что подумают?

Взгляд и тембр голоса были точно такими же, как в самом начале совместной жизни. Тогда Фандорин сразу таял и был готов исполнять любые ее желания. Но с тех пор слишком многое изменилось. Ничего кроме раздражения эта медовая

нежность у него не вызвала.

«Как же мне надоел этот театр Клары Гасуль! В следующий раз, честное слово, люблю женщину, в которой нет вообще никакого притворства. Женщину, которая что чувствует, то и говорит».

Давать такие обещания было легко. Фандорин был абсолютно уверен, что время любви для него закончилось. И слава богу.

Причина, по которой жена упрашивала его присутствовать на рауте, была понятна. Клара любит только те скандалы, мизансцену которых разработала сама. Здесь же могла возникнуть ситуация, в которой главным поводом для сенсации станет не сама «этуаль», а загадочное отсутствие ее мужа.

— Увы, — сказал Фандорин с жестокосердным удовольствием. — Никак не получится. Прошу п-простить.

В глазах Клары вновь мелькнуло беспокойство. Так бывало, если что-то ускользало от ее понимания.

— У вас съемка. Группа ждет. — Эраст Петрович слегка поклонился режиссеру. — Не смею мешать вашему возвышенному труду.

— Да-да. Пора! — Леон громко захлопал в ладоши. — Дамы и господа, все сюда! Работаем, работаем! — Он повернулся к продюктёру. — Мсье

Симон, вы помните, что у нас сегодня еще уличный экшн? Нападение ассасинов.

— Конечно! Там потребуются краски заката. Улица перегорожена, рабочие готовятся. К девяти всё будет сан-репрош.

— Негры приехали?

— Жду с сегодняшним парходом. С этой проклятой забастовкой многие рейсы отменены. Но была телеграмма из Астрахани: отплыли, будут.

— Забастовка, забастовка! Невозможно работать! — топнул ногой режиссер. — Что за сераль без мавров? Неужто съемка опять сорвется? Любая другая группа уже разорилась бы из-за этих простоев!

— С вашим дядюшкой нам это не грозит, — сладко молвил Симон.

В дверь заглянул Маса, которому, видно, наскучило торчать в вестибюле.

— Хоть киргиза доставили! — обрадовался Лион. — Почему не переодет? Сделайте его монгольским евнухом. Переснимем сцену в гареме.

Маса заинтересованно спросил у Фандорина по-японски:

— Что такое *ебнух* ?

Было видно, что сняться в кино он совсем не против.

Эраст Петрович перевел:

— *Канган* .

— Нет, *ебнух* не сограшен. Другая рорь есчь?

— Может быть, вашей милости угодно сыграть калифа багдадского? — саркастически осведомился Арт и протянул свою украшенную разноцветными стекляшками чалму Маса.

— Что такое *карифу*, господин?

— Арабский сёгун.

Японец остался доволен.

— Хоросё. Карифу мозьно.

И стал пристраивать чалму себе на голову.

— Черт знает что! — Режиссер беспомощно оглянулся на ассистентов и актеров, толпой входивших в павильон. — У меня нервы на пределе, а мне подсовывают полоумного киргиза! Отберите у него мой тюрбан!

— Маса, милый, как я вам рада! — сказала, приблизившись, Клара.

Лицо японца будто окаменело. Он церемонно поклонился.

— Курара-сан...

Актриса горестно вздохнула. Она знала, что давно утратила власть над слугой своего супруга, но время от времени предпринимала попытки растопить лед — увы, неудачные. Наклонившись, что-то вполголоса объяснила Леону.

Тот смутился.

— Ах, простите, сударь... Я принял вас... Мне должны были доставить настоящих киргизов

из Красноводска, чтобы... Впрочем, неважно. — Он откашлялся. — Я слышал о ваших театральных успехах. Клара, то есть госпожа Лунная рассказывала... Но кино — совсем другое. Эпизод предлагать такому таланту я не осмелюсь, а большую роль... Видите ли, теперь мода на крупные планы, особенно в профиль. Если анфас у вас очень интересное лицо, то профиль... Профиля у вас маловато.

Оскорбленный до глубины души, Маса отвернулся и сказал Фандорину:

— Зато у него слишком много профиля! Нос, как у каппы!

А Эраста Петровича утягивала в сторону супруга.

— Мой дорогой-предорогой, как же я рада вас видеть, — тихо и проникновенно говорила она, робко улыбаясь. — Приходите вечером. Мы сядем и будем говорить, говорить. За окном будет ночь, будет дуть ветер, а мы будем вдвоем и наговоримся от души. Меня мучает, что мы так отделились друг от друга. Всё не так, всё глупо, глупо. Я знаю, я слишком актриса, и жена из меня скверная, никуда не годная. Но поверьте, вы дороги мне, и прошлое, когда мы были счастливы, для меня не пустой звук. Право, приходите. Я буду ждать...

«Пьеса «Чайка». Диалог Заречной и Тригорина из четвертого акта. А на самом деле ей

просто что-то от меня нужно. Войдет в роль жены, встречающей мужа после долгой разлуки, заиграется, и закончится это известно чем. Нет, только не всё сначала...»

— Не смогу. Занят. У меня вечером встреча в г-градоначальстве.

— О, я не хочу нарушать ваших планов. Мы встретимся там, где вам удобно. — Клара в секунду переключилась на роль безропотной жертвы. Откуда это? Кажется, из «Последней жертвы» Островского? — Вечером у нас с девяти съёмка в Старом городе, это совсем близко от градоначальства. Умоляю вас, всего несколько минут!

Такая кроткая, молящая о сущей малости. Ну, если на улице и всего несколько минут — это еще ладно.

— Хорошо. П-приду.

— Яков Залманович, золотой мой, сделайте милость, запишите моему мужу адрес сегодняшней вечерней локации! — громко обратилась Клара к ассистенту.

И Фандорин, на которого еще минуту назад никто не смотрел, вдруг оказался в центре всеобщего внимания.

Мамелюки и арапы, наложницы и прислужницы, киносъёмщики и электрики с любопытством уставились на мужа Клары Лунной.

Кто-то довольно громко прогудел: «Ого! Как в водевиле: те же и грозный муж». В ответ послышалось хихиканье.

Назад в «Националь» Эраст Петрович шел огромными шагами. Подвернувшуюся под ноги пустую бутылку с размаху отшвырнул ударом трости. Одно дело — мечтать об избавлении от постылой жены, и совсем другое — когда тебя считают рогоносцем. Однако второе логически проистекало из первого, с этим надо было как-то примириться.

— Рэнсю! — рявкнул Фандорин едва поспевавшему за ним слуге.

— Какое рэнсю, господин?

— Бег по потолку.

— Хэ, — удивился Маса. — Всё так серьезно?

Настоящий экшн

«Бегом по потолку» называлось упражнение, предписывавшее с разгона как можно выше взбежать по стене, оттолкнуться и, сделав сальто, приземлиться на ноги. Чтобы избавиться от раздражения, Эрасту Петровичу пришлось исполнить этот непростой трюк трижды — лишь после этого душевная гармония начала восстанавливаться. Еще четверть часа он

попрактиковался в бесшумном ползании по темному гостиничному коридору. Мимо три раза прошли постояльцы, дважды горничные — и не заметили змеящуюся по полу черную фигуру. Такая тренировка — в условиях, приближенных к боевым, — еще и закаляла нервы: если бы Фандорина обнаружили, произошел бы конфуз и скандал, а для благородного мужа нет ничего страшнее, чем оказаться в жалком положении.

Несколько освеженный двойным рэнсю, Эраст Петрович вновь отправился в градоначальство. Маса нес под мышкой кинжал с черным крестом на рукоятке, завернув вещественное доказательство в гостиничное полотенце. Если подполковник Шубин окажется достоин откровенного разговора, надо будет показать ему этот трофей.

Однако на Садовой изгнанное было раздражение накатило с новой силой.

Шубина на месте опять не оказалось. Дежурный посоветовал поискать господина подполковника в казино, «потому что нынче ведь понедельник, и дело уже к вечеру».

«Ничего себе «дельный». То он в «Локанте», то в казино. И все же поговорить с Шубиным необходимо. Однако не над рулеточным же столом?»

— П-придется, видимо, отложить встречу на завтра. Когда подполковник приходит на службу?

— Что вы, — удивился чиновник. — Завтра никого из начальников не будет. Ведь у Месропа Карапетовича в Мардакянах банкет.

Сказано было таким тоном, будто всё человечество, включая людей, впервые приехавших в Баку, должны понимать смысл абракадабры «умесропакарапетовичавмардакянах».

Эраст Петрович скрипнул зубами. Первый день бакинского расследования определенно не задался.

Сдержавшись, вежливо спросил, далеко ли отсюда мечеть Мухаммеда, что на улице Кичик-кала в Старом Городе. Предстояло еще выдержать разговор с женой.

Клара не обманула — идти было не более десяти минут.

У старинных ворот, пробитых в глухой крепостной стене, Фандорин на миг замер. Навстречу пахло чем-то пряным, сладким, мускусным, но в то же время с отчетливым привкусом гнили, затхлости, слежавшейся пыли. Запах был знакомый — как в старых кварталах Константинополя. Аромат Востока — вот что это такое. Откуда он взялся в нуворишеском, космополитичном Баку?

Но за стеной прятался совсем другой город. Плотно сбившиеся невысокие дома с плоскими крышами, темные щели переулков, желтые

каменные мостовые — и толпа, в которой совсем не было людей в европейском платье, а в разноголосом гомоне не звучало ни одного русского слова.

С внутренней стороны к стене лепились навесы, под которыми шла бойкая торговля: там продавали узорчатые ткани, глиняную и медную посуду, фрукты и орехи, сладости, табак, платки, халаты, специи.

Следуя указаниям чиновника, Фандорин свернул в среднюю из расходящихся улочек. Стены домов сдвинулись еще теснее, неба стало не видно, потому что на вторых этажах повсюду торчали деревянные застекленные терраски, а на протянутых между ними веревках сушилось тряпье.

— Третий п-поворот налево, затем второй направо, — бормотал Эраст Петрович. — Маса, не отставай. Потеряешься.

— Не может быть, чтобы здесь жили исключительно умные некрасивые женщины, — сказал японец, провожая взглядом каждую фигуру в парандже (женщин с открытыми лицами здесь не было, ни одной). — В природе такое невозможно. Нужно проверить.

Как странно, думал Фандорин. Восточный город, спрятанный внутри европейского. Будто идешь по закоулкам константинопольского Беязита. Ведь это Российская империя, это двадцатый век, а

словно другой мир и другая эпоха. Возможно ли, чтобы Кузнецкий Мост и эта сказка Шахерезады существовали в пределах одного государства? И сам усмехнулся: что брать Кузнецкий Мост? Европа находилась гораздо ближе, в двухстах метрах отсюда — и ничего, как-то всё это уживается вместе.

— Я обязательно должен заглянуть под черную сетку, — всё переживал Маса. — И под халат, конечно. Вряд ли мы еще когда-нибудь попадем в Баку, эта тайна будет мучить меня.

Второй поворот направо после третьего поворота налево закончился тупиком: слепой стеной без окон и дверей. Пришлось повернуть обратно.

Повсюду — на тротуарах и приступках, на подоконниках, даже на крышах — сидели, лежали, гуляли кошки.

— Мы в кошачьем царстве, — сказал Маса, утирая вспотевший лоб. — Я предпочитаю собак. Но их здесь нет.

— У м-мусульман собака считается нечистым животным.

— Кто бы говорил о чистоте...

Японец зажал нос — они проходили, уже в который раз, мимо кучи гниющих отбросов. У Фандорина возникло подозрение, что это одна и та же помойка и что они вертятся по заколдованному

кругу.

— Мы з-заблудились.

Он попытался спросить дорогу, но женщины молча шарахались от человека в европейском костюме; мужчины отворачивались и шли мимо.

— Такое ощущение, что здесь никто не знает по-русски! — развел руками Фандорин.

Маса, снисходительно наблюдавший за действиями господина, сказал:

— Есть язык, который понимают все. Возьмите веер, обмахните лицо. Оно у вас похоже на вареную свеклу.

Он встал посреди мостовой, поднял руку. В пальцах покачивалась рублевая бумажка.

Сразу же остановились двое прохожих: один в коричневом халате и чалме, с неестественно красной бородой; второй с большими усами, в драной черкеске и облезлой папахе.

— Мечечь Мухамэдо, Кичик-кара, — объявил Маса. И его отлично поняли!

Произошла короткая потасовка: папаха оттолкнула чалму.

— Ходи за мной, пожалуйста!

Через пять минут Фандорин с Масой оказались на месте киносъемки.

На маленькую немощеную площадь, которую окружали покривившиеся дома, пройти было